ТОМ 2, №2, 2024 eISSN 2949-1843
РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Правовой порядок и правовые ценности

Теоретико-исторические правовые науки

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Частно-правовые (цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые науки

www.lawandorder-donstu.ru
DOI 10.23947/2949-1843

Правовой порядок и правовые ценности

Рецензируемый научно-практический журнал (издается с 2023 года)

eISSN 2949-1843
DOI: 10.23947/2949-1843

Том 2, № 2, 2024

Рецензируемый научно-практический журнал создан в целях информирования читательской аудитории о новейших достижениях, актуальных вопросах и перспективах в области юриспруденции.

В журнале публикуются результаты исследований, направленных на обеспечение преемственности фундаментальной и прикладной научной мысли, отражение уровня и степени научной разработанности различных тематик в области теории и истории государства и права, государственного управления, правотворчества и правоприменительной практики, отраслевых юридических наук, изучение и анализ тенденций развития российского законодательства для поиска эффективных методов правового регулирования; аргументацию новых гипотез и авторских выводов в области юриспруденции с обсуждением как глобальных вопросов, так и носящих региональный характер.

Структура журнала определена в соответствии с Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» в составе следующих научных специальностей:

5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки
5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки
5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки
5.1.4 – Уголовно-правовые науки
5.1.5 – Международно-правовые науки

Индексация и архивация:	РИНЦ, CyberLeninka, CrossRef
Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Выписка из реестра зарегистрированных средств массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 83924 от 16 сентября 2022 г, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Учредитель и издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ)
Периодичность	4 выпуска в год
Адрес учредителя и издателя	344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
E-mail	pravonauka2022@donstu.ru
Телефон	+7 (863) 2–738–372
Сайт	https://lawandorder-donstu.ru
Дата выхода в свет	30.06.2024

Legal Order and Legal Values

Peer-reviewed scientific and practical journal (published since 2023)

eISSN 2949-1843
DOI: 10.23947/2949-1843

Vol. 2, no. 2, 2024

A peer-reviewed scientific and practical journal designed to inform the readers about the latest achievements, topical issues and prospects in the field of jurisprudence.

The journal publishes the results of research aimed at ensuring the consistency of the fundamental and applied science ideas; at reflecting the level and degree of scientific development of various topics in the field of the theory and history of state and law, state governance, law-making and law enforcement practices, sectoral legal sciences, study and analysis of the trends of the Russian legislation development for finding the efficient methods of legal regulation; at substantiating the new hypotheses and authors' conclusions in the field of jurisprudence including the discussion of both global and regional issues.

The journal structure is developed in compliance with the Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of February 24, 2021 No. 118 "On Approval of the Nomenclature of Academic Specialities for Conferring the Academic Degrees, and Amendments to the Regulation on the Council for the Defence of Dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees Approved by the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 10, 2017 No. 1093" and includes the following academic specialities:

– Theoretical and Historical Legal Sciences
– Public Law (State Legal) Sciences
– Private Law (Civil Law) Sciences
– Criminal Law Sciences
– International Legal Sciences

Indexing and Archiving	RISC, CyberLeninka, CrossRef
Name of the Body that Registered the Publication	Extract from the Register of Registered Mass Media ЭЛ № ФС 77 – 83924 of September 16, 2022, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Founder and Publisher	Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Don State Technical University (DSTU)
Periodicity	4 issues per year
Address of the Founder and Publisher	1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation
E-mail	pravonauka2022@donstu.ru
Telephone	+7 (863) 2–738–372
Website	https://lawandorder-donstu.ru
Date of Publication	30.06.2024

Содержание

Content

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.12

Оригинальное теоретическое исследование

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-9-13

Статический и динамический аспекты нормативистской теории права: опыт и анализ изучения в западной юридической науке

Ю.И. Исакова[1], Г.С. Працко[1] ✉, З.А. Саидов[2]

[1] Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

[2] Чеченский государственный университет им А.А. Кадырова, г. Грозный, Российская Федерация

✉ dasha_sam94@mail.ru

EDN: TBFRIE

Аннотация

Введение. Статический и динамический аспекты нормативистской теории права практически не изучены в рамках отечественной юридической науки, хотя без исследования сущности норм права в целом и теории права в частности вряд ли можно назвать полноценным их анализ. Вместе с тем обращение правоведов к данной тематике сыграло немаловажную роль в развитии современной западной юриспруденции. Значимость вышеуказанных аспектов нормативизма трудно переоценить как для юридической теории, так и для правоприменительной практики – особенно учитывая то, что практическая функция данных аспектов осуществляется эмпирическими нормификаторами. Целью статьи является исследование статического и динамического аспектов нормативистской теории права с опорой на опыт и анализ их освещения в западной юридической науке.

Материалы и методы. В статье проанализированы работы западных теоретиков и философов права, рассматривающих проблематику нормативизма, а также его статического и динамического аспектов. Объектом исследования являются общественные отношения, подлежащие регулированию в сфере статического и динамического аспектов нормативистской теории права. В основу исследования положены следующие методы научного познания: диалектический, аналитический, методы анализа, синтеза, индукции и дедукции.

Результаты исследования. Дана характеристика статическому и динамическому аспектам нормативистской теории права. Проанализировано понятие нормативной единицы. Определены взаимоотношения и иерархия норм внутри нормативной единицы.

Обсуждение и заключение. Результаты настоящего исследования обладают практическим потенциалом в правоприменительной сфере, поскольку правоприменение базируется на нормативизме. Сделанные авторами теоретические и практические выводы могут быть положены в основу дальнейших научных изысканий в сфере философии и теории права.

Ключевые слова: нормативистская теория права, норма права, динамический аспект, юридическая наука, юридическая методология, философия права

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Исакова Ю.И., Працко Г.С., Саидов З.А. Статический и динамический аспекты нормативистской теории права: опыт и анализ изучения в западной юридической науке. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(2):9–13. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-9-13

Original Theoretical Research

Static and Dynamic Aspects of the Theory of Legal Normativity: Practices and Analysis of Studying Thereof in the Western Juridical Science

Yulia I. Isakova[1], Gennady S. Pratsko[1] ✉, Zaurbek A. Saidov[2]
[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Chechen State University Named after A.A. Kadyrov, Grozny, Russian Federation
✉ dasha_sam94@mail.ru

Abstract
Introduction. The static and dynamic aspects of the theory of legal normativity are almost unstudied in the native juridical science, whereas without studying the essence of the legal norms in general and the legal theory in particular, the analysis thereof can hardly be called complete. At the same time, due to the legal scholars addressing this topic, the development of the modern Western jurisprudence has been greatly fostered. The significance of the above aspects of normativity can hardly be overestimated both for juridical theory and for law enforcement practices, especially if borne in mind that practical application of these aspects is carried out by the empirical norm-setters. The aim of the present article is to study the static and dynamic aspects of the theory of legal normativity based on the practices and analysis of their coverage in the Western juridical science.
Materials and Methods. The works of the Western theoreticians and philosophers of law who study the problems of normativity, as well as its static and dynamic aspects have been analysed in the article. The social relations subject to the regulation in the static and dynamic aspects of the theory of legal normativity have become the objects of the study. The research was carried out based on the following methods of scientific cognition: dialectical, analytical methods, as well as the methods of analysis, synthesis, induction and deduction.
Results. The static and dynamic aspects of the theory of legal normativity were characterised. The notion of a legal norm unit was analysed. The relationships and hierarchy of the norms within a legal norm unit were determined.
Discussion and Conclusion. The results of the present research have the potential of practical application in the field of law enforcement, because law enforcement is based on the normativity. The theoretical and practical conclusions made by the authors can become a basis for further scientific research in the field of philosophy and legal theory.

Keywords: theory of legal normativity, a legal norm, dynamic aspect, juridical science, juridical methodology, philosophy of law

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer for critical assessment of the materials and suggestions on their improvement, which contributed to significant enhancement of the article quality.

For citation. Isakova YuI, Pratsko GS, Saidov ZA. Static and Dynamic Aspects of the Theory of Legal Normativity: Practices and Analysis of Studying Thereof in the Western Juridical Science. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(2):9–13. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-9-13

Введение. Объект нормативного познания рассматривается либо со статической, либо с динамической точки зрения. Со статической точки зрения норма визуализируется как полностью определенный статический объект нашего познания, и мы исследуем, что согласно ей действительно и на ком лежит субъективное обязательство осуществить это. Таким образом, мы познаем содержание нормы.

Динамический подход, напротив, визуализирует объект своего познания как формирующийся, развивающийся, изменяющийся и способный погаснуть. Считается, что для всей нормативной системы характерно пребывание в процессе бесконечного изменения, что ей присуща перманентная эволюция. Однако правила, которые применяются к сфере онтологического познания, не регулируют процесс изменений. Его регулируют принципы, являющиеся элементом нормативной системы. При этом в рамках статического подхода к нормативному познанию осуществляется визуализация норм, которые обладают равной юридической силой и расположены рядом в иерархии. В отличие от этого, согласно динамическому подходу, нормы делятся на вышестоящие и нижестоящие; также они различаются в зависимости от времени. Соответственно, статический подход делает упор на одномерность, а динамический – на многомерность.

Целью данного исследования является изучение статического и динамического аспектов нормативистской теории права с опорой на опыт и анализ их освещения в западной юридической науке. Реализация поставленной цели исследования подразумевает решение ряда научных задач, среди которых:

– анализ статического и динамического аспектов нормативистской теории права;
– определение взаимоотношений и иерархии норм внутри нормативной единицы;
– исследование практической функции нормы согласно нормативистской теории права.

Материалы и методы. Логика исследования обусловила использование эмпирической базы – работ западных философов и теоретиков права (У. Блэкстоуна, Э. Блэра, Дж. Глоса и др.), посвятивших свои сочинения нормативистскому подходу либо аспектам, так или иначе связанным с юридическим нормативизмом.

Методологию исследования составляют следующие методы научного познания: диалектический, аналитический, анализа, синтеза, индукции и дедукции.

Результаты исследования. Сущность нормообразующей деятельности, осуществляемой всеми причастными к ней субъектами в границах той или иной системы, изображается в виде пирамиды, охватывающей как нормотворцев, так и нормы, которые они создают. Вершину пирамиды венчает суверенный нормообразователь – его первоначальная норма наделяет соответствующей способностью всех прочих нормотворцев. Кроме того, она «вдыхает жизнь» во все нормы, сформулированные ими; придает данным нормам юридическую значимость. Также на верхушке пирамиды может находиться не суверенный нормообразователь (нормодатель), а непосредственно первоначальная, исходная норма. Следовательно, систему возглавляет норма, что есть объективно, а не нормообразователь, что есть субъективно. Этой конструкции следует отдать предпочтение, поскольку объектом нормативного познания являются нормы, а не нормодатели [1].

Благодаря описанному динамическому подходу нормативного познания представляется возможным классифицировать нормы той или иной системы как по содержанию, так и по форме. Данная концепция – известная как концепция нормативной релевантности или формальной зависимости – практически равнозначна привычной иерархии юридических норм, которая базируется на принципе, согласно которому нижестоящая норма получает юридическую силу от вышестоящей; аналогичное утверждение справедливо и в отношении нормодателей.

Если же рассматривать нормы с позиций не содержания, а формы, то их можно разделить на:

– автономные и гетерономные;

– оригинальные и вторичные;

– абсолютные и гипотетические.

Объектами нормативного познания являются нормы – как отдельные, так и объединенные в группы. Механизм образования групп норм прост: их формируют отдельные нормы, создающие в совокупности некую систему или единицу. В качестве примеров подобных единиц можно назвать корпусы норм, которые функционируют в определенной религии, или имеют отношение к морали либо этике, или вообще образуют правовую систему государства в целом [2].

Разумеется, для объединения норм в группы требуются критерии: материальный и формальный. Формальный критерий охватывает нормы, относящиеся к форме. Важно помнить, что все нормы, которые создал определенный нормообразователь, способны сформировать вышеупомянутую систему (единицу) вне зависимости от своего содержания. Допускается, что их содержание может быть различным, но единица (система) не содержит противоречащие друг другу нормы – например, «Х должно быть» и «не Х должно быть», поскольку ни один нормотворец не может одновременно хотеть Х и его антиномии – не Х. По материальному критерию все родственные по своему содержанию нормы образуют единицу [3].

Соотношение норм в рамках той или иной нормативной единицы может складываться таким образом, что одна норма обусловлена другой либо вытекает из нее. Соответственно, исходная норма является первичной, а другая, связанная с ней, – вторичной. Может сложиться цепочка вторичных норм, чье действие основано на одной первичной норме.

Особенность главной, исходной, основной или первичной нормы, возглавляющей определенную нормативную систему, заключается в том, что ее действительность просто постулируется; ее нельзя доказать, сославшись на вышестоящую норму (поскольку такой нормы попросту не существует) [3].

Исследуя статический и динамический аспекты нормативистской теории права, следует помнить о практической функции, осуществляемой эмпирическими нормификаторами. Сама функция подразумевает формирование представлений о том, как нормы должны реализовываться и действовать на практике. Реализующие эту функцию эмпирические нормификаторы устанавливают нормы, которые становятся правилами и мотивами поведения субъектов, которые обязаны их соблюдать [4]. Данный принцип распространяется на организацию любых эмпирических правовых порядков, поскольку их составляющие элементы – отдельные правовые нормы – мотивируют людей вести себя тем или иным образом, тем самым претворяя в жизнь вышеназванную практическую функцию. Для максимальной эффективности и неукоснительного соблюдения подобных норм – а, следовательно, и осуществления практической функции, – эмпирические нормификаторы подкрепляют нормы не только мотивацией (а иногда и поощрением или вознаграждением за исполнение), но и санкцией (угрозой наказания) за их несоблюдение либо ненадлежащее соблюдение [5].

Само по себе наказание является исключительно нормативным понятием; в сфере же причинного познания оно отсутствует как таковое. Аналогичным образом и концепция вины носит сугубо нормативный характер [3].

Обсуждение и заключение. В рамках нормативистской теории права происходит изучение и постижение формы юридических норм, а также формы и методологии нормативного познания. Нормативистский подход не исследует:

– содержание юридических норм;

– мотивы и причины эмпирического нормификатора, в результате действий которого были приняты те или иные нормы;

– влияние норм на внешний мир.

Таким образом, нормативистский подход в известном смысле противоположен юридической науке в ее эмпирической сущности, ибо она раскрывает эмпирическое содержание нормативных систем [2].

Как уже отмечалось выше, у юридических норм может быть абсолютно любое содержание, поэтому бесполезно пытаться вычленить их из нормативного корпуса, оценивая их только по содержанию. Правовой характер нормы определяется на основании не материального, а формального критерия и опирается на происхождение от нормодателя. Главным же и единственным создателем юридических норм является государство, которое, представляя собой важную часть мира, автоматически превращается в эмпирического нормификатора [6].

Соответственно, можно назвать юридические нормы также эмпирическими; правовые и эмпирические нормы соотносятся как частное и общее. В данных дефинициях кроются основополагающие принципы, которые регулируют и очерчивают границы всевозможных объектов нормативного познания, однако не совпадают по значимости и функционалу с объяснительными дефинициями и, следовательно, не используются ради их замены. Важно помнить, что с позиций нормативистской теории права эти дефиниции необходимы, ибо нормативный подход позволяет просто определить государство как создателя нормативной системы.

Список литературы / References

1. Blackstone W. *Commentaries on the Laws of England in Four Books.* Sharswood G. (ed.). Vol 2. Philadelphia: J.B. Lippincott Co.; 1893. URL: https://oll.libertyfund.org/titles/sharswood-commentaries-on-the-laws-of-england-in-four-books-vol-2 (accessed: 01.04.2024).

2. Blair AM. *Too Much to Know: Managing Scholarly Information before the Modern Age.* New Haven and London: Yale University Press; 2010. 416 p. URL: https://books.google.ru/books?id=uEQJtGFt-bKsC&printsec=frontcover&source=gbs_ViewAPI&hl=ru&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 01.04.2024).

3. Glos GE. The Normative Theory of Law. *William & Mary Law Review*. 1969;11(1):151–184. URL: https://scholarship.law.wm.edu/wmlr/vol11/iss1/6 (accessed: 01.04.2024).

4. Habermas J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Rehg W(ed.). Cambridge, MA: MIT Press; 1996. 631 p. URL: https://teddykw2.wordpress.com/wp-content/uploads/2012/07/jc3bcrgen-habermas-between-facts-and-norms.pdf (accessed: 01.04.2024).

5. Twining W. Normative and Legal Pluralism: A Global Perspective. *Duke Journal of Comparative & International Law*. 2010;20(3):473–518. URL: https://scholarship.law.duke.edu/djcil/vol20/iss3/8 (accessed: 01.04.2024).

6. Vermeule A. Connecting Positive and Normative Legal Theory. *University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law*. 2007; 10(2):387–398. URL: https://ssrn.com/abstract=977095 (accessed: 01.04.2024).

Об авторах:

Юлия Игоревна Исакова, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код: 7029-1131, ORCID, isakova.pravo@bk.ru

Геннадий Святославович Працко, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код: 8256-1236, ORCID, dasha_sam94@mail.ru

Заурбек Асланбекович Саидов, доктор юридических наук, профессор, ректор Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова (364024, Российская Федерация, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32), SPIN-код: 6733-0315, ORCID, z.saidov@chesu.ru

About the Authors:

Yulia I. Isakova, Dr.Sci. (Sociology), Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code: 7029-1131, ORCID, isakova.pravo@bk.ru

Gennady S. Pratsko, Dr.Sci (Law), Dr.Sci. (Philosophy), Professor of the Commercial and Entrepreneurial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code: 8256-1236, ORCID, dasha_sam94@mail.ru

Zaurbek A. Saidov, Dr.Sci. (Law), Professor, Rector of the Chechen State University Named after A.A. Kadyrov (32, A. Sheripova St., Grozny, 364024, Russian Federation), SPIN-code: 6733-0315, ORCID, z.saidov@chesu.ru

Заявленный вклад авторов:

Г.С. Працко, Ю.И. Исакова: формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

З.А. Саидов: анализ результатов исследований, доработка текста, корректировка выводов.

Claimed Contributorship:

GS Pratsko, YuI Isakova: formulating the main concept, aim and objectives of the research, preparing the text, formulating the conclusions.

ZA Saidov: analysis of the research results, refining the text, correcting the conclusions.

Конфликт интересов: **авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**

Conflict of Interest Statement: **the authors do not have any conflict of interest.**

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 10.04.2024
Поступила после рецензирования / Revised 15.05.2024
Принята к публикации / Accepted 25.05.2024

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 342

Оригинальное теоретическое исследование

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-14-21

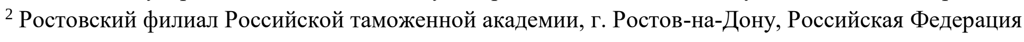

EDN: YTWGUL

Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий

М.В. Алексеева[1, 2], Е.А. Филимонова[1] ✉

[1] Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

[2] Ростовский филиал Российской таможенной академии, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ lenarnd1008@mail.ru

Аннотация

Введение. Цифровизация, развитие информационно-телекоммуникационных технологий на современном этапе оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности общества. При оценке данных процессов ученые расходятся во мнениях: одни полагают, что цифровизация – это одна из глобальных проблем современности, другие подчеркивают ее значимость для обеспечения экономического прогресса государства. Установлено, что процесс формирования информационного общества становится новым этапом развития цивилизации. Важным условием для понимания сущности трансформации общества под воздействием информационных технологий является четкое установление предпосылок возникновения этого явления. В исследовании отмечается, что в современных условиях цифровой трансформации заметно отставание права и юридической техники от стремительного развития коммуникаций в цифровой среде. Несмотря на многообразие современных представлений о государстве и достаточной степени их изученности в настоящее время сохраняется проблема дефиниции понятия «цифровое государство», так как в нормативных правовых актах оно отсутствует. Цель исследования – проанализировать понятие «цифровое государство», выявить проблемы в сфере публичного управления, связанные с развитием цифровых технологий, и выработать рекомендации для эффективной трансформации государства в условиях цифровизации.

Материалы и методы. Для обеспечения обоснованности и достоверности полученных результатов исследование проводилось с применением общенаучных и частнонаучных методов научного познания, в частности, диалектического метода, контент-анализа нормативных правовых актов, юридической компаративистики, а также исторического, системного, структурно-функционального, логического и других методов. Применялись различные способы толкования правовых норм в целях выявления закономерностей их функционирования. Контент-анализ нормативных правовых актов и логический метод позволили выявить сущность цифрового государства. Метод моделирования позволил сформулировать предложения по совершенствованию законодательства в этой сфере.

Результаты исследования. Исследованы современные представления о государстве, проанализировано понятие «цифровое государство». Выявлены особенности и проблемы трансформации государства в условиях развития цифровых технологий. Обосновывается необходимость трансформации правового регулирования, способного обеспечить не только защиту от киберугроз, но и реализацию конституционных прав и свобод граждан в цифровой среде, а также поддержки эффективности коммуникаций в новых условиях.

Обсуждение и заключение. По результатам проведенного исследования выработаны рекомендации для эффективной трансформации государства в условиях цифровизации. Данная работа представляется значимой для развития российской юридической науки и совершенствования деятельности органов публичной власти. Выявленные в исследуемой области проблемы свидетельствуют о целесообразности повышения эффективности реализации концепции цифрового государства. Сформулированные авторами теоретические и практические выводы предлагается использовать для дальнейших исследований и совершенствования действующего законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровое государство, цифровая трансформация публичного управления, цифровые технологии, информационное общество, промышленная революция, стратегическое государственное управление

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Алексеева М.В., Филимонова Е.А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2024;2(2):14–21. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-14-21

Original Theoretical Research

The State Transformation Features in the Context of Digital Technologies Development

Marina V. Alekseeva[1, 2], **Elena A. Filimonova**[1] ✉

[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

[2] Rostov Branch of Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ lenarnd1008@mail.ru

Abstract

Introduction. Nowadays digitalization, development of the information and telecommunication technologies affect all spheres of society life. Scientists disagree in their assessment of these processes: some believe that digitalization is one of the global problems of our time, others emphasize its importance for ensuring the economic growth of a state. The process of forming the information society is recognised to become a new stage in development of civilization. To understand the essence of the society transformation induced by the information technologies, it is necessary to clearly define the prerequisites for the origin of this phenomenon. The study has revealed that in the present-day context of digital transformation the law and legal technology are noticeably lagging behind the rapid development of digital communications. Despite the existing diversity in understanding of a state and sufficient study thereof, the problem of the "digital state" concept definition still remains, due to the absence of this definition in the normative legal acts. The aim of the study is to analyse the concept of a "digital state", identify problems in the field of public governance caused by development of the digital technologies, and develop the recommendations for efficient transformation of a state in the context of digitalization.

Materials and Methods. To ensure the relevance and reliability of the results obtained, the study was conducted using the general and specific methods of scientific cognition, in particular, the dialectical method, method of content analysis of the normative legal acts, comparative legal study, as well as historical, systemic, structural-functional, logical and other methods. Various approaches to interpreting the legal norms were used to distinguish regularities in their implementation. The method of content analysis of the regulatory legal acts and logical method enabled understanding the essence of a digital state. The modeling method made it possible to formulate the proposals on improving the legislation in this field.

Results. Modern understanding of a state was studied, the concept of a "digital state" was analysed. The state transformation features and problems in the context of digital technologies development were revealed. The article substantiated the need of legal regulation transformation to ensure not only protection from the cyber threats, but also implementation of the constitutional rights and freedoms of the citizens in the digital environment, as well as support of the communication efficiency in the new conditions.

Discussion and Conclusion. Based on the results of the study, the recommendations have been developed for efficient transformation of a state in the context of digitalization. The present work is significant for development of the Russian juridical science and improvement of the public authorities' work. The problems revealed in the studied subject area indicate the expediency of enhancing the efficiency of implementing a concept of a digital state. The theoretical and practical conclusions formulated by the authors are proposed for further research and enhancement of the acting legislation of the Russian Federation.

Keywords: digital state, digital transformation of the public governance, digital technologies, information society, industrial revolution, strategic state governance

Acknowledgements. The authors express gratitude to the reviewer for critical assessment of the materials and suggestions on their improvement that has contributed to enhancement of the article quality.

For citation. Alekseeva MV, Filimonova EA. The State Transformation Features in the Context of Digital Technologies Development. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(2):14–21. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-14-21

Введение. Цифровизация, развитие информационно-телекоммуникационных технологий на современном этапе оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности общества. При оценке данных процессов ученые расходятся во мнениях: одни полагают, что цифровизация – это одна из глобальных проблем современности [1], другие подчеркивают ее значимость для обеспечения экономического прогресса государства [2]. Делаются попытки по осознанию и выявлению проблем, связанных с построением цифрового государства [3].

Появление новых информационных технологий, обновление средств обработки данных стало важнейшим фактором развития общества, которое функционирует уже на основе использования информации во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в профессиональной сфере: науке, образовании, здравоохранении, экономике, политике и т. п. В таком обществе внимание переключается с материальных объектов на интеллект и знания. Именно интеллектуальные аспекты деятельности человека становятся ключевым объектом управления государством на разных уровнях.

Начиная с 1990-х годов, с появлением и активным распространением Всемирной паутины, в обществе происходят следующие изменения:

– в экономике: развивается электронная коммерция, ускоряется процесс расчетов, происходит перераспределение финансовых потоков в пользу быстрорастущих высокорентабельных компаний (Google, Amazon, Яндекс и др.);

– в политике: появилось понятие «электронное правительство», отдельные политики и политические союзы стали вести активную деятельность в режиме онлайн;

– в средствах массовой коммуникации: появляются широкие возможности для создания медиаконтента неспециалистами, растет влияние интернет-блогеров;

– в сфере трудовых отношений: появляются новые профессиональные области (веб-дизайн, интернет-журналистика и др.) и специальности (контент-менеджер, SMM-специалист и др.);

– в правовой сфере: деятельность людей в Интернете влияет на физический мир и приравнивается к деятельности в реальном мире с точки зрения правового регулирования [4].

Таким образом, процесс формирования информационного общества становится новым этапом развития цивилизации в результате все более расширяющегося влияния информационно-телекоммуникационных технологий на государство, экономику, политику, культуру, социальную сферу и право. Однако в современных условиях цифровой трансформации заметно отставание права и юридической техники от стремительного развития коммуникаций в цифровой среде.

Цель исследования – проанализировать понятие «цифровое государство», выявить проблемы в сфере публичного управления, связанные с развитием цифровых технологий, и выработать рекомендации для эффективной трансформации государства к условиям цифровизации.

Материалы и методы. Для обеспечения обоснованности и достоверности полученных результатов исследование проводилось с применением общенаучных и частнонаучных методов научного познания, в частности, диалектического метода, контент-анализа нормативных правовых актов, юридической компаративистики, а также использовались исторический, системный, структурно-функциональный, логический и другие методы. Применялись различные способы толкования правовых норм в целях выявления закономерностей их функционирования. Контент-анализ нормативных правовых актов и логический метод позволили выявить сущность цифрового государства. Метод моделирования позволил сформулировать предложения по совершенствованию законодательства в этой сфере.

Результаты исследования. Для понимания сущности трансформации общества под воздействием информационных технологий были проанализированы предпосылки возникновения этого процесса. Одной из главных предпосылок является смена технологического уклада и четвертая промышленная революция [5]. Промышленная революция представляет собой качественный сдвиг в изменении жизни общества, связанный с появлением новых технологий, подходов к организации производства [6].

Само понятие «промышленная революция» вошло в деловой оборот лишь в конце XIX века для характеристики процесса перехода от аграрной экономики к индустриальному обществу с преобладанием машинного производства. Этот процесс, который теперь называют первой промышленной революцией, начался в Англии во второй половине XVIII века. Затем он получил развитие и в других странах Европы и США. Вторая промышленная революция охватывает вторую половину XIX – начало XX веках, а третья – конец XX века (приблизительно с 1960-х годов). Началом второй промышленной революции считается изобретение Г. Фордом конвейера, позволившего сделать доступным такую инновацию того времени, как автомобиль. Началом третьей промышленной революции считается появление первых программируемых логических контроллеров, изобретение компьютера, а затем и промышленных роботов. Начало XXI века ознаменовалось четвертой промышленной революцией. В ее основе лежат киберфизические системы, соединяющие виртуальный и реальный физический мир.

В то же время не только концепция промышленных революций объясняет смену этапов научно-технического прогресса. Согласно другой концепции [7], основу развития научно-технического прогресса составляет смена технологических укладов, то есть совокупности сопряженных производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно. В соответствии с этой концепцией, развитие общества и производственно-хозяйственных отношений в настоящее время связано с шестым технологическим укладом. Его основу так же, как и основу четвертой промышленной революции, составляет массовое внедрение киберфизических систем в производство и обслуживание человеческих потребностей.

Безусловно, общим и для четвертой промышленной революции, и для шестого технологического уклада является то, что доля знаний в удельной стоимости продукта может составлять до 95 %. Исходя из этого, большое внимание со стороны всех членов общества должно уделяться именно защите прав на нематериальные объекты и регулированию отношений в цифровой среде.

Цифровая трансформация общества, которая началась еще на этапе третьей промышленной революции и пятого технологического уклада, характерна и для современного периода. И на этапе четвертой промышленной революции, а также шестого технологического уклада происходит цифровизация производственных и общественных процессов. Это проявляется в распространении промышленных сетей с использованием искусственного интеллекта, Интернета вещей, облачных сервисов, сервисов, способных идентифицировать, собирать и обрабатывать глобальные базы данных, внедрении нейротехнологий с принципиально новым механизмом взаимодействия человека с созданным им устройством, развитием социальных сетей, Интернет-платформ и цифровых сервисов [8].

Безусловно, поддержка технологий и процессов, которые составляют основу научно-технического развития на современном этапе, выражается в инструментах российской государственной политики, отраженных в следующих стратегических и программных документах:

– стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы[1];

– стратегия научно-технологического развития Российской Федерации[2];

– национальная технологическая инициатива[3];

– национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации»[4];

– концепция технологического развития на период до 2030 года[5];

– программа «Цифровая экономика Российской Федерации»[6] (отменена 12.02.2019 г. в связи с преемственностью национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»).

Следует особо подчеркнуть стратегические документы, в которых приводятся целевые установки и ключевые понятия. В частности, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы приводятся понятия информационного общества, общества знаний, цифровой экономики и др. Под информационным обществом понимается общество, «в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан»[7]. Таким образом подчеркивается, что новое информационное общество трансформирует традиционные представления о способах и механизмах хранения, оборота и защиты информации и прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Подобные трансформации в сфере общественных отношений продолжают стремительно развиваться, ставя при этом непростые задачи правового характера в цифровом поле. К таким правовым вопросам можно отнести, например, обеспечение безопасности персональных данных в сети Интернет, защиту авторских прав, в том числе – на результаты интеллектуальной деятельности, и другие.

В современных условиях цифровой трансформации заметно отставание права и юридической техники от стремительного развития коммуникаций в цифровой среде. Данное обстоятельство обозначило ряд проблем [9]:

– обеспечения эффективного регулирования отношений, основанных на современных цифровых технологиях;

– обеспечения защиты прав, свобод, общечеловеческих ценностей в цифровой среде;

---

[1] *О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы*. Указ Президента РФ № 203 от 09.05.2017. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687 (дата обращения: 12.03.2024).

[2] *О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации*. Указ Президента РФ № 145 от 28.02.2024. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102416645&backlink=1&&nd=606500763 (дата обращения: 12.03.2024).

[3] *О реализации Национальной технологической инициативы*. Постановление Правительства РФ № 317 от 18.04.2016. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102405973&backlink=1&&nd=102395148 (дата обращения: 12.03.2024).

[4] *О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»*. Постановление Правительства РФ № 234 от 02.03.2019. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102636081&backlink=1&&nd=102525856 (дата обращения: 12.03.2024).

[5] *Концепция технологического развития на период до 2030 года*. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1315-р от 20.05.2023. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050 (дата обращения: 12.03.2024).

[6] *Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»*. Распоряжение Правительства Российской Федерации №1632-р от 28.07.2017. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102440918 (дата обращения: 12.03.2024).

[7] *О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы*. Указ Президента РФ № 203 от 09.05.2017. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687 (дата обращения: 12.03.2024).

– обеспечения взаимодействия и коммуникации в социально-политическом поле, которые опираются на новые формы (например, «онлайн сообщества», «интерактивные события» и др.);

– обеспечения кибербезопасности, то есть необходимость разработки и применения методов и инструментов противодействия киберпреступлениям, среди которых наиболее распространенными являются мошенничество, «продажа» и «утечка» информации [10].

Трансформация общественных отношений, рост объема цифровой информации приводит к росту задач, стоящих перед правовой системой. Для решения проблем отставания права от потребностей развития цифровой среды в литературе предлагается два основных направления: формирование нового правопонимания и правовой культуры; адаптация сложившихся правовых институтов к новой цифровой реальности. Исходя из этого формируются различные представления о цифровом праве.

Таким образом, трансформация общественных отношения, бурное развитие новых технологий привели к трансформации различных сфер общественной жизни. В свою очередь это привело к необходимости трансформации правового регулирования, способного обеспечить не только защиту от киберугроз, но и обеспечить конституционные права и свободы в цифровой среде, а также поддерживать эффективность коммуникаций в новых условиях.

Современный этап научно-технического прогресса, обусловленный значительными изменениями в сфере обработки и передачи информации, внедрением искусственного интеллекта и распространением глобальных информационных систем, приводит к необходимости трансформации государства в интересах гармоничного развития как общества в целом, так и его субъектов. Обусловлено это в первую очередь тем, что распространение новых цифровых технологий, с одной стороны, открывает большие возможности для повышения уровня социально-экономического развития, а с другой стороны, создает значительные риски и угрозу национальной безопасности. В связи с этим в юридической науке и практике часто возникают дискуссии относительно содержания и задач цифровой трансформации общества и концепции цифрового государства.

Исследователи отмечают, что многообразие современных представлений о государстве может быть представлено в виде двух концепций: организационной и функциональной [11].

В рамках организационной концепции государство представляет собой особую форму социальной организации. В рамках данной концепции выделяют понятие государства в узком и широком смыслах. В широком смысле государство является политически организованным сообществом граждан, имеющим географические границы. Государство имеет свою структуру, представленную различными социальными организациями, среди которых органы публичной власти; силовые структуры; научные, образовательные, медицинские и др. организации; а также те организации, которые являются объектами управленческого воздействия (предприятия, общественные объединения и т. п.).

В узком смысле государство представлено совокупностью аппарата государственной власти и структур, осуществляющих легальное государственное принуждение.

С точки зрения функциональной концепции, государство представляет собой систему общественных отношений, состояние упорядоченной политико-правовой реальности, а не субъект, осуществляющий действия. Государство здесь рассматривается как публичный порядок общественной организации и управления, существующий в определенном обществе на определенном историческом этапе его развития [12].

Такое многообразие подходов к пониманию государства обусловливает и многообразие представлений о цифровом государстве.

Возникновение же представления о цифровом государстве, на наш взгляд, во многом обусловлено развитием концепции постиндустриального общества. В соответствии с представлениями основоположника этой концепции Д. Белла в постиндустриальном обществе обмен информацией и знаниями осуществляется в основном при помощи телекоммуникации и компьютеров [13]. Данная концепция применительно к пониманию цифрового государства проявляется в том, что новые технологии, информация, знания становятся средствами производства и ключевыми источниками осуществления организации общества и реализации государственной власти. Во многом становлению цифрового государства способствует повсеместное распространение глобальной информационно-коммуникационной сети Интернет.

Что же касается дефиниции цифрового государства, то в нормативных правовых актах она отсутствует. Это достаточно новый и дискуссионный термин. В литературе встречаются различные определения понятия «цифровое государство» [14]. Их отличия во многом обусловлены тем методологическим подходом, которого придерживаются авторы этих дефиниций. Ключевым же положением, на котором основывается большинство концепций является то, что цифровое государство – это наиболее развитая в технологическом плане форма организации общественного устройства [15].

Среди ключевых предпосылок такого устройства выделяют следующие [16, 17]:

– необходимость поиска новых форм, повышающих эффективность взаимодействия с властными структурами;

– потребность в ускорении передачи и обработки информации, оказания государственных услуг, их улучшение;

– совершенствование администрирования государственного управления: сокращение посредников и переход к прямым взаимодействиям с потребителями государственных услуг;

– сокращения затрат на административные процессы;

– повышение эффективности планирования, мониторинга и контроля использования технологических, финансовых и человеческих ресурсов системы государственного управления;

– укрепление взаимодействий по разработке и реализации стратегии и политики, определяющих процессы государственного управления;

– борьба с коррупцией.

Представляется целесообразным обратить внимание на воззрения Е.Л. Давыденко. Цифровое государство, по мнению автора, рассматривается как информационно-технологическая организация политико-правового воздействия граждан и органов публичной власти. Высказанная позиция представляется достаточно обоснованной. Однако в ходе дальнейших рассуждений автор допускает вероятность потери государством своего суверенитета [18]. С этим тезисом сложно согласиться, поскольку сохранение суверенитета и обеспечение безопасности является стратегической целью существования любого государства. Для этого должны предприниматься различные меры, грамотные управленческие решения по недопущению подобных угроз.

Обсуждение и заключение. Становлению цифрового государства в России во многом способствовала реализация мероприятий по развитию электронного правительства, которая началась в 2002 году с принятием Федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002-2010 годы)», а затем продолжилась в 2008 году[8]. Также на становление цифрового государства повлияли государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)»[9], национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»[10]. Большое значение имеет также Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[11].

В настоящее время большое значение имеют Стратегические направления в области цифровой трансформации государственного управления до 2030 года[12]. Они определили основные задачи, цели, приоритеты и вызовы цифровой трансформации государственного управления.

Реализация проектов цифровой трансформации государственного управления до 2030 года может быть сопряжена с рядом проблем, среди которых:

– отсутствие адекватного нормативно-правового регулирования сбора информации коммерческих организаций для ее предоставления в органы государственной власти;

– недостаточный уровень цифровых компетенций сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления;

– значительная зависимость поставок аппаратной части от зарубежных поставщиков и (в связи с этим) возникновение рисков в области информационной безопасности.

Таким образом, реализация концепции цифрового государства во многом зависит от того, насколько эффективно и целесообразно встраиваются цифровые технологии в процессы разработки и реализации государственных стратегий, предоставления государственных услуг и в иные процессы государственного управления.

Цифровизация государства призвана способствовать повышению эффективности публичного управления, качественному изменению системы. При оценке уровня цифровой трансформации важно использовать комплексный подход. Следует акцентировать внимание и на повышении уровня цифровой грамотности населения страны. В цифровой среде важно обеспечить права и свободы человека, с одной стороны, и информационную безопасность в целом, с другой.

---

[8] *Об одобрении Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года.* Распоряжение Правительства РФ № 632-р от 06.05.2008 (ред. от 10.03.2009). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102121853 (дата обращения: 12.03.2024).

[9] *О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)».* Распоряжение Правительства РФ № 1815-р от 20.10.2010. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102142714 (дата обращения: 12.03.2024).

[10] *О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».* Постановление Правительства РФ № 234 от 02.03.2019. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102636081&backlink=1&&nd=102525856 (дата обращения: 12.03.2024).

[11] *Об электронной подписи*. Федеральный закон № 63-ФЗ от 06.04.2011. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=%D4%E5%E4%E5%F0%E0%EB%FC%ED%FB%E9+%E7%E0%EA%EE%ED+%EE%F2+06.04.2011+%E2%84%96+63-%D4%C7+&sort=-1_blank_ (дата обращения: 12.03.2024).

[12] *Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления*. Распоряжение Правительства № 2998-р РФ от 22.10.2021. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110260034 (дата обращения: 12.03.2024).

Список литературы / References

1. Смирнов Г.С., Ветчинин Н.М. Всеобщая цифровизация как глобальная проблема: человек и его цифровое сознание. *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2021;(4):127–134. https://doi.org/10.46726/H.2021.4.14

Smirnov GS, Vetchinin NM. The Phenomenon of Universal Digitalization: Human And His Digital Consciousness. *Ivanovo State University Bulletin*. 2021;(4):127–134. https://doi.org/10.46726/H.2021.4.14 (In Russ.).

2. Мамитова Н.В. Цифровое государство: проблемы построения в Российской Федерации. *Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки.* 2019;(4(22)):13–20. https://doi.org/10.21777/2587-9472-2019-4-13-20

Mamitova NV. Digital State: Building Problems in the Russian Federation. *Bulletin of Moscow Witte University. Series 2. Legal sciences*. 2019;(4(22)):13–20. https://doi.org/10.21777/2587-9472-2019-4-13-20 (In Russ.).

3. Мамитова Н.В., Селиверстова А.Д. Цифровое государство: проблемы построения в Российской Федерации. *Государственная служба.* 2019;21(2(118)):16–22. https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-2-16-22

Mamitova NV, Seliverstova AD. Digital State: Problems of Building It in the Russian Federation. *Public Administration*. 2019;21(2(118)):16–22. https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-2-16-22 (In Russ.).

4. Ланских А.В., Скуратов А.Б., Сыманюк Н.В. *Трансформация общественных отношений под влиянием сети Интернет: учебное пособие*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; 2022. 96 с.

Lanskikh AV, Skuratov AB, Simanyuk NV. *Transformation of Public Relations under the Influence of the Internet: A Textbook*. Yekaterinburg: Ural Federal University Publishing House; 2022. 96 p. (In Russ.).

5. Холоденко Ю.А. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология.* 2022;28(3):43–78. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-43-78

Kholodenko YuA. Digital Transformation of Public Administration: Opportunities and Risks. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2022;28(3):43–78. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-43-78 (In Russ.).

6. Старостенко И.Н. Трансформация общественных отношений в условиях повсеместной цифровизации. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2022;(6):58–61.

Starostenko IN. Transformation of Public Relations under Conditions of Everywhere Digitalization. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2022;(6):58–61. (In Russ.).

7. Глазьев С.Ю. Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие).* 2010;1(2(2)):4–10.

Glazyev SYu. Prospects for the Formation of a New VI Technological Order in the World. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2010;1(2(2)):4–10. (In Russ.).

8. Карцхия А.А. Цифровая революция: новые технологии и новая реальность. *Правовая информатика*. 2017;(1):13–18. https://doi.org/10.21681/1994-1404-2017-1-13-18

Kartskhiya AA. Digital Revolution: New Technologies and a New Reality. *Legal Informatics*. 2017;(1):13–18. https://doi.org/10.21681/1994-1404-2017-1-13-18 (In Russ.).

9. Баранов П.П., Мамычев А.Ю. Цифровая трансформация права и политических отношений: основные тренды и ориентиры. Балтийский гуманитарный журнал. 2020;9(1(30)):357–361. https://doi.org/10.26140/bgz3-2020-0901-0088

Baranov PP, Mamychev AYu. Digital Transformation of Law and Political Relations: Main Trends and Guidelines. *Baltic Humanitarian Journal*. 2020;9(1(30)):357–361. https://doi.org/10.26140/bgz3-2020-0901-0088 (In Russ.).

10. Барков А.В., Киселев А.С. Правовое обеспечение информационной безопасности: инструменты противодействия киберугрозам. *Журнал прикладных исследований.* 2022;(5–1):91–96. https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_5_1_91

Barkov AV, Kiselyov AS. Legal Support of Information Security: Tools to Counter Cyberthreats. *Journal of Applied Research*. 2022;(5–1):91–96. https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_5_1_91 (In Russ.).

11. Ромашов Р.А. Цифровое государство (digital state) – новый тип государства или форма глобального мирового порядка? *История государства и права.* 2017;(4):3–11.

Romashov RA. Digital State – A New Type of State or the Form of Global Order. *History of State and Law*. 2017;(4):3–11. (In Russ.).

12. Панченко В.Ю., Ромашов Р.А. Цифровое государство (digital state) – концептуальное основание глобального мирового порядка. *Государство и право.* 2018;(7):99–109. https://doi.org/10.31857/S013207690000235-0

Panchenko VYu, Romashov RA. The Digital State is the Conceptual Foundation of the Global World Order. *Gosudarstvo i pravo*. 2018;(7):99–109. https://doi.org/10.31857/S013207690000235-0 (In Russ.).

13. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования.* Москва: Academia; 2004. 944 с.

Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Moscow: Academia; 2004. 944 p. (In Russ.).

14. Понкин И.В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология. *Государственная служба.* 2021;23(5):47–52. https://doi.org/10.22394/2070-8378-2021-23-5-47-52

Ponkin IV. The Concept of the Digital State: Definition, Nature, Structure, and Ontology. *Public Administration.* 2021;23(5):47–52. https://doi.org/10.22394/2070-8378-2021-23-5-47-52 (In Russ.).

15. Золаев Э.А. Цифровое государство как новый этап развития общества. *Креативная экономика.* 2021;15(5):1583–1594. https://doi.org/10.18334/ce.15.5.112164

Zolaev EA. Digital State as a New Stage of Society Development. *Kreativnaya Ekonomika*. 2021;15(5):1583–1594. https://doi.org/10.18334/ce.15.5.112164 (In Russ.).

16. Кириленко В.П., Фотопулу А. Проблемы цифрового государства в современном обществе. *ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика.* 2019;(2):49–56.

Kirilenko VP, Fotopoulou A. Problems of Digital State in Modern Society. *EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics*. 2019;(2):49–56. (In Russ.).

17. Каргина Л.А., Вовк А.А., Лебедева С.Л. *Цифровая экономика. Учебник*. Москва: Прометей; 2020. 223 с.

Kargina LA, Vovk AA, Lebedeva SL. *Digital Economy. Coursebook.* Moscow: Prometei; 2020. 223 p. (In Russ.).

18. Давыденко Е.Л. Основные направления формирования цифрового государства в мировой экономике. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество.* 2023;(6–2):97–101.

Davydenko EL. The Main Directions of the Formation of a Digital State in the Global Economy. *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*. 2023;(6–2):97–101. (In Russ.).

Об авторах:

Марина Владимировна Алексеева, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Буденновский, 20), SPIN-код: 6127-0904, ORCID, ScopusID, alekseeva80@yandex.ru

Елена Александровна Филимонова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код: 9717-0705, ORCID, lenarnd1008@mail.ru

About the Authors:

Marina V. Alekseeva, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Theory and History of the State and Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Associate Professor of the State Legal Disciplines Department, Rostov Branch of Russian Customs Academy (20, Budennovskii Ave., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation), SPIN-code: 6127-0904, ORCID, ScopusID, alekseeva80@yandex.ru

Elena A. Filimonova, Cand.Sci. (Law), Associate Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), SPIN-code: 9717-0705, ORCID, lenarnd1008@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

М.В. Алексеева: формирование основной концепции, подготовка текста, формирование выводов.

Е.А. Филимонова: определение методологии исследования, анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Claimed Contributorship:

MV Alekseeva: formulating the main concept, preparing the text, formulating the conclusions.

EA Filimonova: defining the research methodology, analysis of the research results, refining the text, correcting the conclusions.

***Конфликт интересов*: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**

***Conflict of Interest Statement:* the authors do not have any conflict of interest.**

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 20.03.2024
Поступила после рецензирования / Revised 25.04.2024
Принята к публикации / Accepted 06.05.2024

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Оригинальное эмпирическое исследование

УДК 340.13:336.02

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-22-30

EDN: WLTSPN

Механизм правового регулирования государственного финансового контроля на преференциальных территориях: опыт Китая

Н.В. Шашло
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ninelllsss@gmail.com

Аннотация
Введение. Статья посвящена исследованию механизма правового регулирования государственного финансового контроля на территориях опережающего социально-экономического развития. Исследуемая тема является особо актуальной, поскольку одним из рычагов обеспечения социально-экономического роста регионов является механизм особого правового режима предпринимательской деятельности, который, соответственно, усиливает роль государственного финансового контроля**.** Объектом исследования является процесс государственного финансового контроля на территориях опережающего социально-экономического развития. Предметом исследования – совокупность теоретико-методического, правового и организационного обеспечения процесса государственного финансового контроля на территориях опережающего социально-экономического развития. Цель статьи заключается в обосновании и разработке теоретико-методических и правовых положений, а также практических рекомендаций по совершенствованию правового регулирования осуществления государственного финансового контроля на исследуемых территориях.
Материалы и методы. В процессе проведения исследования были использованы способы научного познания, общенаучные и специальные методы. Информационно-эмпирическая база исследования представлена фундаментальными положениями исследований ученых, нормативными правовыми актами федерального и локального уровней, стандартами учета и оценки, статистическими данными в области осуществления государственного финансового контроля на территориях опережающего социально-экономического развития.
Результаты исследования. Проведен анализ практики функционирования специальных экономических зон в Китае и модели системы государственного финансового контроля. Выявлены проблемные аспекты в процессах государственного финансового контроля на территориях опережающего социально-экономического развития Российской Федерации. Доказано, что решением выявленных проблем будет являться формирование механизма государственного финансового контроля на данных территориях, закрепленного на законодательном уровне, включающего нормативно-правовое, информационное, организационное, кадровое обеспечение процесса контроля, методы и инструменты. На основе опыта КНР сформированы практические рекомендации, которые можно использовать в качестве эффективного опыта в системе государственного финансового контроля России.
Обсуждение и заключение. В статье доказано, что совершенствование правового регулирования осуществления государственного финансового контроля на исследуемых территориях позволит законодательно закрепить понятийно-категориальный аппарат государственного финансового контроля на территориях опережающего социально-экономического развития, создать эффективный механизм государственного финансового контроля, усилить и повысить эффективность контрольных функций государственного управления, предотвратить и снизить число финансовых и экономических правонарушений, стабилизовать экономические показатели регионов и государства в целом.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, государственный финансовый контроль, преференциальный режим, территории с особыми экономическими режимами, бюджетные финансовые средства

Благодарности. Автор выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Шашло Н.В. Механизм правового регулирования государственного финансового контроля на преференциальных территориях: опыт Китая. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(2):22–30. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-22-30

Original Empirical Research

Legal Regulation Mechanism of the State Financial Control on the Preferential Regime Territories: China's Experience

Nina V. Shashlo ✉

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ ninelllsss@gmail.com

Abstract

Introduction. The article investigates the legal regulation mechanism of the state financial control on the territories of advanced social and economic development. The topic under study is particularly relevant, because the mechanism of the special legal regime for business activity is one of the drivers ensuring the socio-economic growth of the regions and, accordingly, strengthening the role of the state financial control. The object of the study is the process of the state financial control on the territories of advanced social and economic development. Within the research, an aggregate of the theoretical and methodological, legal and organizational support measures of the process of the state financial control on the territories of advanced social and economic development has been studied. The article aims to substantiate and develop the theoretical and methodological and legal provisions, as well as practical recommendations for improving the legal regulation of the state financial control execution on the territories in question.

Materials and Methods. The general and specific scientific methods of scientific knowledge were used to conduct the research. The informational and empirical basis of the study was formed by the provisions of the fundamental scientific research works, federal and local regulatory legal acts, reporting and assessment standards, statistical data on the state financial control on the territories of advanced social and economic development.

Results. The practices of functioning the special economic zones in China and the model of the state financial control system have been analysed. The challenging aspects of the state financial control processes on the Russian Federation territories of advanced social and economic development have been identified. It has been proved that the identified problems could be solved by creating the state financial control mechanism on these territories, which would be recognised at the legislative level, and include the regulatory, informational, organizational, personnel support of the control process, its methods and tools. Based on the experience of the PRC, the practical recommendations have been formulated, which could serve as the useful experience for the Russian system of the state financial control.

Discussion and Conclusion. The paper has proved that improvement of the legal regulation of the state financial control execution on the territories in question could foster the legislative recognition of the conceptual and categorical apparatus used for the state financial control on the territories of advanced social and economic development, create the efficient mechanism of the state financial control, strengthen and enhance the efficiency of the state governance control functions, prevent and reduce the number of financial and economic offences, stabilize the economic indicators of the regions and the state as the whole.

Keywords: mechanism of legal regulation, state financial control, preferential regime, territories with special economic regimes, budgetary funds

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the reviewer, whose critical assessment of the materials and suggestions for their improvement contributed to the significant enhancement in the quality of the article.

For citation. Shashlo NV. Legal Regulation Mechanism of the State Financial Control on the Preferential Regime Territories: China's Experience. *Legal Order and Legal Values.* 2024;2(2):22–30. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-22-30

Введение. Одним из рычагов обеспечения социально-экономического роста регионов является механизм особого правового режима предпринимательской деятельности с предоставлением государственного бюджетного финансирования, налоговых и фискальных преференций. Обеспечение правового регулирования предпринимательской деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития (далее – ТОЭР). способствует достижению высокого уровня финансовых возможностей регионов. При этом в так называемых «тер-

риториальных точках роста» усиливается роль государственного финансового контроля. С учетом того, что государство сегодня уделяет максимальное внимание развитию ТОЭР, механизм правового регулирования финансово-экономических отношений этих территорий нельзя считать эффективным, что связано, прежде всего, с неразвитостью законодательства, регулирующего финансово-экономические отношения, в частности, государственного финансового контроля (далее – ГФК).

В научно-теоретических исследованиях отсутствует единый теоретический подход к обоснованию сущности ГФК на территориях с особыми экономическими режимами, к определению его задач, видов, форм и методов [1–5]. Это приводит к несогласованности теоретической парадигмы, что, в свою очередь, ограничивает не только дальнейшие научные разработки в данной сфере, но и обусловливает различное использование видов, форм и методов ГФК в практической деятельности. Исходя из вышесказанного, актуализируется анализ категориально-понятийного аппарата исследования ГФК на ТОЭР с правовой точки зрения, исследование их функций, роли и места в системе финансовых правоотношений, правовое обеспечение финансовых контрольных функций государства, выявление проблем и определение перспектив в области законодательства. Все указанные позиции и обусловили цель данного исследования и его задачи.

Цель статьи заключается в обосновании и разработке теоретико-методических и правовых положений, а также практических рекомендаций по совершенствованию правового регулирования осуществления государственного финансового контроля на исследуемых территориях.

Материалы и методы. Использованы способы научного познания, общенаучные и специальные методы, в частности: методы индукции, дедукции, анализа, синтеза и абстракции, сравнения, систематизации и логического обобщения, детализации, типологии, группировки, абстрактно-логической оценки, графический метод, системно-структурный анализ, системный подход.

Результаты исследования. Государство в современных условиях финансирует приоритетные государственные программы и направления деятельности на территориях приоритетного развития, источником чего являются бюджеты разных уровней. Именно расходование средств из данных бюджетов и является основанием для ГФК.

К основным нормативно-правовым актам, регулирующим процесс осуществления ГФК в РФ относятся следующие: Бюджетный кодекс РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ[1], ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ[2], ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ[3], ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29 декабря 2014 № 473-ФЗ[4], ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» от 07 февраля 2011г. № 6-ФЗ[5], ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31 июля 2020 № 248-ФЗ[6], МЗ «О государственном финансовом контроле» от 4 декабря 2004 г. постановление № 24–11[7], Порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 26 июня 1995 г. № 594[8], Порядок оценки эффективности функционирования особых экономических зон», утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 07 июля 2016 № 643[9], «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных

---

[1] *Бюджетный кодекс Российской Федерации*. Кодекс Российской Федерации № 145-ФЗ от 31.07.1998. URL: (дата обращения: 14.02.2024).
[2] *О Счетной палате Российской Федерации*. Федеральный закон № 41-ФЗ от 05.04.2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144621 (дата обращения: 15.02.2024).
[3] *Об особых экономических зонах в Российской Федерации.* Федеральный закон № 116-ФЗ от 22.07.2005. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/ (дата обращения: 15.02.2024).
[4] *О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации*. Федеральный закон № 473-ФЗ от 29.12.2014. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182125 / (дата обращения: 21.02.2024).
[5] *Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.* Федеральный закон № 6-ФЗ от 07.02.2011. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110266 / (дата обращения: 21.02.2024).
[6] *О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации*. Федеральный закон № 248-ФЗ от 31.07.2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750 / (дата обращения: 21.02.2024).
[7] *Модельный закон о государственном финансовом контроле.* Постановление № 24-11 от 04.12.2004. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=30673#cddnNTTwav0t8ek / (дата обращения: 22.02.2024).
[8] *Порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация*. Постановление Правительства РФ № 594 от 26.06.1995. URL: http://government.ru/docs/32289 / (дата обращения: 25.02.2024).
[9] *Порядок оценки эффективности функционирования особых экономических зон*. Постановление Правительства Российской Федерации № 643 от 07.07.2016. URL: http://government.ru/docs/23797 / (дата обращения: 25.02.2024).

муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)», утвержденное Постановлением Правительства РФ от 22 июля 2015 г. № 614[10]. Принципы ГФК, на которых базируется контроль, отражены в Лимской Декларации руководящих принципов контроля[11].

Вместе с тем необходимо отметить, что правовое регулирование ГФК на территориях с особыми экономическими режимами имеет ряд проблем и противоречий. Правовые предписания, регулирующие вопросы осуществления ГФК на этих территориях, рассредоточены по большому числу нормативных актов, прямо не относящихся к функционированию данных территорий, что снижает эффективность контроля, так как основой качественного правового регулирования является принцип системности. С целью реализации данного принципа в правовой регламентации финансовых отношений на исследуемых территориях считаем необходимым объединить разрозненные материальные и процессуальные нормы в единый нормативный правовой акт, что возможно осуществить в долгосрочной перспективе.

Исследуя хронологию формирования системы территорий с особыми экономическими режимами, следует отметить, что данный процесс осуществлялся в России поэтапно. Проведенный анализ нормативных актов, научной литературы [6–9] и практики хозяйствования показал, что совокупность данных преференциальных территорий включает в себя: особые экономические зоны (далее – ОЭЗ) или свободные экономические зоны (далее – СЭЗ), территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР, ТОР), зоны со специальными режимами хозяйствования. Основная цель создания и функционирования подобных территорий – это достижение рыночными механизмами и инструментами целей и решение задач пространственного развития страны. Проведя сравнительный анализ, выделим основные элементы, характеризующие данные зоны:

– обособленная территория страны с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности;

– доступность для деятельности и отечественных, и зарубежных предпринимателей;

– зоны управляются специальным управляющим органом.

Основной формой ГФК на ТОЭР выступает бюджетный контроль. Главной задачей для контролирующих органов является определение эффективности использования бюджетных средств на этих территориях, что обусловлено большой долей государственного финансирования.

В процессе исследования выявлены проблемные аспекты в процессах ГФК на ТОЭР:

– несформированность нормативно-правовой базы;

– несовершенство финансово-правового регулирования;

– отсутствие единого нормативного акта федерального уровня;

– отсутствие разграничения компетенций, полномочий и обязанностей контролирующих органов;

– низкий уровень координации контролирующих органов со Счётной палатой;

– отсутствие системного подхода к кадровому, материально-техническому и финансовому обеспечению ГФК;

– неэффективный обмен информацией о проведенных проверках и ревизиях;

– отсутствие единого информационного центра органов контроля.

Отметим, что основной проблемой остается неразвитость законодательной базы ГФК на ТОЭР, отсутствие правового обеспечения деятельности органов ГФК с учетом специфики ТОЭР.

Одной из стран, где уровень эффективности государственного финансового контроля за расходами бюджетных ресурсов очень эффективен, является Китайская Народная Республика (далее – КНР, Китай). Уровень развития экономики страны очень высок, при этом правительству удалось сохранить собственную культурную и ценностную идентичность. Исследуя хронологию становления преференциальных территорий в КНР, отметим, что изначально были созданы экспортные зоны с целью концентрации в одном месте китайских предприятий-производителей экспортной продукции. Была выбрана модель свободной экономической зоны, функционирующая на принципах:

– выход к международным транспортным коридорам;

– законодательная база, способствующая привлечению зарубежных инвесторов (в Китае не существует общей законодательной базы, регламентирующей работу СЭЗ, для каждой СЭЗ принимались отдельные законодательные акты);

– благоприятные условия деятельности предприятий с иностранным участием: предоставление налоговых льгот и облегченный вывод прибыли;

– экспортная ориентация предприятий, располагающихся в СЭЗ;

---

[10] *Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)*. Постановление Правительства РФ № 614 от 22.06.2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181759 / (дата обращения: 25.02.2024).

[11] *Лимская декларация руководящих принципов контроля.* Постановление IX Конгресса Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 г. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=9332#d9orNTTMYdpNhty / (дата обращения: 25.02.2024).

– высокая степень самостоятельности местных властей в адаптации положений и правил к местным условиям;

– самостоятельность резидентов СЭЗ при определении сферы деятельности в рамках существующих законов и правил [10].

В настоящее время на территории Китая действует следующие территории с особыми режимами [10, 11]:

1. Специальные экономические зоны – Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь, Хайнань, а также приравненный к ним по статусу Новый район Пудун (Шанхай).

2. Зоны технико-экономического развития – более 90 зон в городах Пекин, Гуанчжоу, Тяньцзинь, Далянь, Харбин, Урумчи, Ухань, Чунцин, Ханчжоу, Шэньян, Чанчунь, Инкоу и др.

3. Технопарки – более 75 технопарков: «Чжунгунцунь» в г. Пекин, парк высоких технологий «Чжанцзян» в районе Пудун (Шанхай), парк высоких технологий в г. Тяньцзинь, открытая зона высоких технологий в г. Нанкин, открытая зона высоких технологий в г. Чэнду, открытая зона высоких технологий в г. Гуанчжоу и др.

4. Свободные таможенные зоны – 13 зон в городах Шанхай, Тяньцзинь, Далянь, Гуанчжоу, Нинбо, Чжанцзяган, Хайкоу, Сямэнь, Фучжоу, Циндао, Шаньтоу, Чжухай, Шэньчжэнь.

5. Зоны приграничного экономического сотрудничества государственного уровня – 14 зон в городах Хэйхэ, Суйфэньхэ (провинция Хэйлунцзян), Маньчжоули, Эрлянь (Автономный район Внутренняя Монголия), Хуэйчунь (провинция Цзилинь), Даньдун (провинция Ляонин), Инин, Болэ, Тачэн (Синьцзян-Уйгурский автономный район), Пинсян, Дунсин (Гуанси-Чжуанский автономный район), Жуйли, Ваньтин, Хэкоу (провинция Юньнань).

Государственное регулирование деятельности СЭЗ в КНР имеет свои особенности. Единый закон, регулирующий деятельность СЭЗ, в Китае отсутствует. В общей сложности по СЭЗ принято более 30 нормативных актов. Общая модель системы государственного управления специальными экономическими зонами в Китае включает:

1. Специальная межведомственная комиссия по делам СЭЗ – формирует основные политические направления и контролирует их выполнение.

2. Комитет по управлению СЭЗ на региональном уровне:

– организационные функции – разработка планов развития, рассмотрение и утверждение инвестиционных проектов, их регистрация, регулирование вопросов труда и заработной платы, образования, культуры, здравоохранения;

– регулирующие функции – формирование и реализация нормативно-правовых актов, контроль за исполнением государственных программ, поддержка общественного порядка.

3. Государственные аудиторские учреждения – осуществление государственного финансового контроля [10].

Общие функции регулирования деятельности СЭЗ на государственном уровне выполняет Специальная межведомственная комиссия во главе с представителем Госсовета КНР. В состав комиссии входят представители Министерства финансов, Министерства строительства, Главного таможенного управления, Управления валютного контроля и силовых ведомств. Специальная межведомственная комиссия по делам СЭЗ формирует основные политические установки в отношении создания и поддержки развития СЭЗ и контролирует их выполнение [11]. Специальной межведомственной комиссии подчинены комитеты по управлению СЭЗ на региональном уровне Финансовый контроль на вышеописанных территориях осуществляет правительство КНР в лице государственных аудиторских учреждений, которые функционируют как органы финансового контроля, являясь элементами исполнительной модели государственного аудита. Данная инстанция функционирует на основе Закона «Об аудите» Китайской Народной Республики, Положения о исполнение Закона об аудите Китайской Народной Республики и ряда стандартов аудита и других нормативных актов.

Министерство финансов и Китайский институт сертифицированных профессиональных аудиторов (КИСПА) составляют основу государственного финансового контроля в КНР.

15 ноября 2020 года пятнадцать стран Тихоокеанского региона подписали соглашение о свободной торговле – Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (англ. RCEP). Китай преобразует провинции Цзянсу, Шаньдун, Хэбэй, Хэйлунцзян, Гуанси и Юньнань в свободные экономические зоны с целью развития недоразвитых провинций, а, следовательно, уменьшения неравномерности и асимметрий развития внутри страны. Новые зоны расположены вдоль прибрежных или приграничных регионов и служат «воротами» для торговли и инвестиционных потоков с Россией, Японией, Южной Кореей и Вьетнамом. Эти зоны стали «мостами вглубь китайских провинций». Такими зонами Китай стремится укрепить свою слаборазвитую экономику в провинциях и обеспечить более прочные региональные связи, продолжая усиление Инициативы «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative), чтобы компенсировать влияние торговых войн [12–14].

Вместе с открытием новых зон увеличиваются и существующие зоны (свободная зона Шанхая увеличена почти вдвое с добавлением новых льгот и других видов поддержки). Наряду со стимулированием внутренней и

внешней торговли и привлечением прямых иностранных инвестиций новые зоны имеют преференции по импорту, обработке, производству и экспорту товаров, налоговым льготам и быстрым процедурам инвестирования, что способствует притоку капитала. Характерной особенностью новых китайских свободных экономических зон является то, что они органично дополняют Региональные торговые соглашения, подписанные на уровне стран. Эти зоны размещаются на границах со странами – адресатами расширения торговых связей. Например, зона Юньнань не имеет выхода к морю, но граничит с Вьетнамом, Лаосом и Мьянмой; зона Гуанси расположена в южном автономном регионе, граничащем с Вьетнамом; зона Хэйлунцзян в северо-восточной провинции граничит с Россией; зоны Шаньдун, Цзянсу и Хэбэй располагаются в прибрежных провинциях, расположенных через пролив с Южной Кореей и Японией. Зона Шаньдун сосредоточена на ускорении развития морской отрасли, промышленного финансирования, искусственного интеллекта, а также здравоохранения, использовании стратегического расположения для увеличения торгового сотрудничества между Китаем, Японией и Южной Кореей.

Целью зоны Цзянсу является содействие сотрудничеству с провинциями и городами Экономического пояса Шелкового пути и дельты реки Янцзы для содействия региональному интегрированному развитию. Она включает инструменты повышения уровня инвестиционного сотрудничества, усиления финансовой поддержки реальной экономики, поддержки инноваций и развития обрабатывающей промышленности.

Хэйлун в провинции Хэйлунцзян будет ключевым двигателем активизации Северо-Восточного Китая. Эта зона будет поддерживать новые отрасли, такие как высокотехнологичное оборудование, интеллектуальное производство и новая энергетика, стимулировать коммерциализацию технологических достижений. Это также поможет активизировать экономику вдоль существующего промышленного пояса Китая, усиливая сотрудничество между Китаем и Россией и всем регионом Восточной Азии.

Пилотная зона Хэбэй будет способствовать скоординированному развитию Пекина, Тяньцзиня и Хэбэя (регион Цзинь-Цзинь-Цзы) посредством развития нового района Сюнган путем финансовых инноваций, цифровых технологий и платформ, а также ускорения технологических достижений в области биомедицины и охраны здоровья [15].

Пилотная зона Юньнань расположена в районе важного экономического коридора, соединяющего «Шелковый путь» и «Экономический пояс» реки Янцзы. Зона будет действовать как канал, соединяющий Китай со странами Южной и Юго-Восточной Азии и формировать «территорию здорового образа жизни» мирового уровня путем внедрения высококлассных медицинских услуг как внутри страны, так и предназначенных на экспорт.

Зона Гуанси будет функционировать как международный сухопутный и морской торговый коридор, соединяющий Китай с другими странами АСЕАН – Вьетнам, Лаос, Таиланд и Филиппины. Являясь звеном, связывающим сухопутные и морские пути «Шелкового пути» XXI века, все зоны являются «воротами» для туризма, трансграничного сотрудничества, финансирования и логистики.

Роль свободных экономических зон в экономике Китая заключается также в приостановлении оттока высокотехнологичных предприятий в другие страны Юго-Восточной Азии и привлечении надежных альтернативных торговых партнеров. Следовательно, новые пилотные зоны призваны обеспечить Китаю новые каналы торговли и инвестиций, тем самым снизить отрицательные последствия ухудшения отношений с США. Свободные экономические зоны также должны остановить отток инвестиций в Китай, происходящий из-за их оттока из старых зон. Ввиду этого китайское правительство приходит к выводу, что необходимо трансформировать закон «Об инвестициях» в направлении еще большей либерализации инвестиционной политики.

Таким образом, правительство Китая осуществляет политику «четырех стимулов» – Новый шелковый путь, Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство, новые свободные зоны и изменения в инвестиционном законодательстве, что будет способствовать остановке оттока высокотехнологичных компаний. Пока существует неопределенность и рост затрат на рабочую силу, такие технологические гиганты, как HP, Dell, Microsoft, Amazon и Apple, стремятся перенести большую часть своей производственной сети за пределы Китая. Торговая война между США и КНР не являлась единственной причиной решоринга компаний за пределы Китая, хотя она значительно ускорила этот процесс. Рост стоимости рабочей силы, внутренняя конкуренция, трудности с репатриацией прибыли и проблемы защиты интеллектуальной собственности – факторы, оказывающие усиленное давление на иностранные высокотехнологичные фирмы. Для того, чтобы охватить и те компании, которые перемещают части своего производства из Китая в близлежащие к нему страны, применяется стратегия «Китай+1», направленная на уменьшение операционных расходов, диверсификацию рабочей силы и цепей поставок, а также выход на новые рынки [16]. При этом Китай стремится остаться ядром цепи поставок прибегающих к ее реализации компаний, одновременно обеспечивая чрезвычайно емкий рынок и нивелируя страхи потери технологических секретов.

Все вышеперечисленное позволяет говорить о том, что КНР осуществляет политику «интеграционного неопротекционизма», включающую инструменты регуляторной и экономической политик, направленных на «привязывание» к себе рынков соседних стран одновременно с использованием их возможностей по производству и/или изменению существующих региональных договоренностей по осуществлению производственной деятельности.

Иностранные компании, желающие диверсифицировать производство вне Китая, предпочитают располагаться в странах Юго-Восточной Азии, все чаще рассматриваются как конкурентоспособные альтернативы Китаю с их меньшими затратами на рабочую силу, быстрорастущей экономикой, ростом производственных возможностей и благоприятным инвестиционным климатом. Поэтому Китай, осознав риски дефрагментации производственных цепей с помощью регионального всеобъемлющего экономического партнерства, свободных экономических зон внутри страны, сделал все для того, чтобы остаться центром азиатских цепей поставок и производства. Следовательно, новая зона свободной торговли – это зона геополитического влияния, которая предполагает построение нового регионального пространства инструментами «дипломатии шепота», а не «дипломатии силы» [17].

Проведенный анализ практики функционирования специальных экономических зон в Китае и модели системы государственного управления позволил выделить ключевые аспекты ГФК в КНР, которые можно использовать в качестве эффективного опыта в России.

В частности:

– первый аспект – необходимость определения четкого поля ответственности должностных лиц, поскольку одной из проблем является размытость поля ответственности, что, в конечном итоге, приводит к снижению эффективности как всей деятельности, так и контроля;

– второй аспект – персональная ответственность за выявленные злоупотребления, нарушения, низкое качество управленческих решений, причем возможность определения персонального перечня ответственных непосредственно аудитором, что позволит наложить санкции за такие нарушения;

– третьим аспектом является необходимость создания условий развития аудиторской деятельности, поскольку в отечественной практике существуют сложности в этом направлении;

– четвертым аспектом можно выделить блок, четко прослеживающийся на примере КНР – влияние обычаев и традиций на все сферы публичного управления. В частности, в КНР это элементы репутации и персонального доверия, роль которых является определяющей при принятии любых управленческих решений. С учетом мировых стандартов эти два элемента являются составляющими коррупционных действий, так как эти субъективные факторы являются неценовыми критериями при отборе партнеров из бизнеса. Но в реалиях КНР эти факторы являются элементом системы сдерживания и противовесов, так как фактически частный партнер, ценя свою репутацию и оказанное ему доверие, обеспечивает должное качество своих действий.

Обсуждение и заключение. Подводя итог проведенного исследования, отметим, что в Российской Федерации необходимо использовать опыт Китая в части государственного финансового контроля на преференциальных территориях, в частности:

1. Формирование стратегии развития ГФК на ТЭОР, адаптивной к динамичным условиям и гибкостью управления на ТОЭР.

2. Разработка закона, объединяющего материальные и процессуальные нормы в единый акт – федеральный закон, регламентирующий ГФК на ТОЭР, что будет являться «идеальным» вариантом решения проблем в области ГФК на данных территориях, на базе чего будут сформулированы долгосрочная государственная финансовая политика на данных территориях. Однако в ближайшем будущем, решение данной задачи является труднореализуемым. Данную задачу возможно решить в ближайшей перспективе путем имплементации отдельных глав, отдельных норм в существующие нормативно-правовые акты. В частности, в Бюджетный кодекс, в закон о Счетной палате и стандарты Счетной палаты, в Регламент Федерального казначейства и другие законодательные акты, регламентирующие финансово-контрольную функцию государства и распределение бюджетных средств. Имплементацию необходимо провести так, чтобы прослеживалось согласование с общими правилами работы каждого государственного органа.

3. Создание развитой инфраструктуры ТЭОР.

4. Создание благоприятного инвестиционного климата на ТОЭР.

5. Усовершенствование законодательно-правовой базы защиты законных прав и интересов инвесторов ОЭЗ.

6. Разработка механизма ГФК на ТЭОР на основе ГЧП.

Список литературы / References

1. Безикова Е.В. Финансовое стимулирование деятельности резидентов территорий с особым режимом хозяйствования в новых экономических условиях: сравнительно-правовое исследование. *Финансовое право.* 2022;(8):17–21.

Bezikova EV. Financial Stimulation of Activities of Residents of Special Economic Zones in New Economic Conditions: A Comparative Legal Study. *Financial Law*. 2022;(8):17–21. (In Russ.).

2. Дрючина В.В. Сравнительная эффективность применения особых экономических режимов в субъектах ДФО на примере Территорий опережающего развития. *Уральский научный вестник*. 2023;9(6):151–159.

Dryuchina VV. Comparative Effectiveness of the Application of Special Economic Regimes in the Subjects of the Far Eastern Federal District by the Example of the Territories of Advanced Development. *Ural'skii nauchnyi vestnik*. 2023;9(6):151–159. (In Russ.).

3. Исаев Э.А. Особенности государственного финансового контроля на территории новых субъектов РФ. *Бюджет*. 2023;(4(244)):30–31.

Isaev EA. Features of State Financial Control on the Territory of New Constituent Entities of the Russian Federation. *Byudzhet*. 2023;(4(244)):30–31. (In Russ.).

4. Гладилин А.В., Вергунов И.Ю., Лепшокова Р.Р. Развитие бизнеса на территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2023;(5(98)):15–22.

Gladilin AV, Vergunov IYu, Lepshokova RR. Business Development in the Territories of Advanced Socioeconomic Development in the Russian Federation. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2023;(5(98)):15–22. (In Russ.).

5. Куликов М.М. Потенциал развития территорий опережающего социально-экономического развития в Ростовской области. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. 2023;16(4):134–142. https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-134-142

Kulikov MM. Import Substitution at Industrial Enterprises of Rostov Region as a Priority of Regional Policy. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*. 2023;16(4):134–142. https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-134-142 (In Russ.).

6. Чжао И., Гнатюк Г.А. Анализ потенциала будущего развития территории опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке. *Финансовые рынки и банки*. 2023;(8):99–104.

Zhao I, Gnatyuk GA. Analyzing the Potential for Future Development of an Area of Defining Socio-Economic Development in the Far East. *Financial Markets and Banks*. 2023;(8):99–104. (In Russ.).

7. Степанов Н.С. Институты развития регионального управления новой модели экономического роста (территории опережающего развития, территории опережающего социально-экономического развития). *Вестник университета*. 2023;(1):106–113.

Stepanov NS. Institutes for the New Model of Economic Growth Regional Management Development (Territories of Advanced Development, Territories of Advanced Social and Economic Development). *Vestnik universiteta*. 2023;(1):106–113. (In Russ.).

8. Kuzubov AA, Shashlo NV, Petruk GV, Korostelev AA. Developing a Supply Chain Subsystem to Manage the Process of Obstacle Elimination for the Innovative Development of Business Entities. *International Journal of Supply Chain Management*. 2018;7(5):621–631. URl: https://ojs.excelingtech.co.uk/index.php/IJSCM/article/view/2352 (accessed: 15.04.2024).

9. Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С. Правовое регулирование использования прилегающих территорий: вопросы теории и практики. *Юрист.* 2023;(9):63–67. https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-9-63-67

Anisimov AP, Isakova YuI, Pratsko GS. Legal Regulation of the Use of Adjacent Territories: Issues of Theory and Practice. *Jurist*. 2023;(9):63–67. https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-9-63-67 (In Russ.).

10. Кондратьева А.Д. Функционирование особых экономических зон в мировой экономике на примере Китая. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2022;12(1–1):285–292.

Kondrat'eva AD. The Functioning of Special Economic Zones in China's Global Economy. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2022;12(1–1):285–292. (In Russ.).

11. Ильясова М.М. Ключевые вопросы формирования и развития особых экономических зон на примере Китая. *Вестник евразийской науки*. 2021;13(6):76ECVN621. URL: https://esj.today/PDF/76ECVN621.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

Ilyasova MM. Key Issues of the Formation and Development of Special Economic Zones on the Example of China. *The Eurasian Scientific Journal*. 2021;13(6):76ECVN621. URL: https://esj.today/PDF/76ECVN621.pdf (accessed: 15.04.2024). (In Russ.).

12. Меланьина М.В. Использование опыта свободных экономических зон Китая при создании зоны свободной торговли в Шанхайской организации сотрудничества. *Экономика и управление: проблемы, решения.* 2021;1(3(111)):155–160. https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.03.01.021

Melanina MV. Using the Experience of China's Free Economic Zones in Creating a Free Trade Zone in the Shanghai Cooperation Organization. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya.* 2021;1(3(111)):155–160. https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.03.01.021 (In Russ.).

13. Хуан В., Пань И. Свободные экономические зоны Китая как условие экономического роста и совершенствования государственного регулирования. *Ученые заметки ТОГУ*. 2023;14(4):156–161.

Huang W, Pan I. Free Economic Zones in China as a Condition Economic Growth and Improvement Government Regulation. *Scientists Notes PNU (Pacific National University)*. 2023;14(4):156–161. (In Russ.).

14. Фейзуллаев М.Д. Свободные экономические зоны Китая: функционирование в современных условиях. *Тенденции развития науки и образования*. 2024;(105–5):165–170. https://doi.org/10.18411/trnio-01-2024-253

Feyzullaev MD. Free Economic Zones of China: Functioning in Modern Conditions. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2024;(105–5):165–170. https://doi.org/10.18411/trnio-01-2024-253 (In Russ.).

15. Сипаро К.А. Перспективы развития свободных экономических зон Дальнего Востока и сравнительный анализ развития свободных экономических зон Азии. *Инновационное развитие экономики*. 2023;(1(73)):144–149.

Siparo KA. Prospects of the Development of Free Economic Zones of the Far East and a Comparative Analysis of the Development of Free Economic Zones in Asia. *Innovative Development of Economy*. 2023;(1(73)):144–149. (In Russ.).

16. Кузубов А.А., Шашло Н.В. Теоретические аспекты формирования рынка высокотехнологических услуг как ключевого фактора инновационного развития мирового хозяйства. *Экономика: теория и практика*. 2017;(1(45)):26–30.

Kuzubov AA, Shashlo NV. Theoretical Aspects of the Formation of the High-Tech Services Market as a Key Factor in the Innovative Development of the World Economy. *Ehkonomika: teoriya i praktika*. 2017;(1(45)):26–30. (In Russ.).

17. Таскаева С.В. Свободные экономические зоны как инструмент «мягкой силы» Китая. *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2019;25(4):125–134.

Taskaeva SV. Free Economic Zones as a Tool of “Soft Power” of China. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019;25(4):125–134. (In Russ.).

Об авторе:

Шашло Нина Владимировна, кандидат экономических наук, доктор философии, доцент, начальник отдела ядерной программы Института сквозных технологий, доцент кафедры медиатехнологий факультета «Медиакоммуникации и мультимедийные технологии» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код: 8045-6232, ScopusID, ORCID, ninelllsss@gmail.com

About the Author:

Nina V. Shashlo, Cand.Sci. (Economics), Dr.Sci. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Core Program Department of the Institute of End-to-End Technologies, Associate Professor of the Media Technologies Department of the Media Communications and Multimedia Technologies Faculty, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code: 8045-6232, ScopusID, ORCID, ninelllsss@gmail.com

Конфликт интересов: **автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.**

***Conflict of Interest Statement*: the author does not have any conflict of interest.**

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 21.05.2024
Поступила после рецензирования / Revised 19.06.2024
Принята к публикации / Accepted 24.06.2024

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ
PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

УДК 347.4

Оригинальное эмпирическое исследование

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-31-37

EDN: WQRXSU

Договор как регулятор организационных отношений в российском гражданском праве

С.В. Рыбак
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
✉ svetoch_2504@mail.ru

Аннотация
Введение. Статья посвящена проблемам нормативного правового регулирования договора как регулятора организационных отношений в отечественном гражданском законодательстве. Актуальность данной темы обусловлена теоретической и практической значимостью отдельных договорных конструкций (предварительный договор, рамочный договор), особенностью их правовой регламентации в современных условиях. Одной из задач современного гражданского права является создание договорных конструкций, обеспечивающих стабильное развитие гражданского оборота в условиях развития нынешней экономической ситуации в стране и мире. Поскольку экономические отношения, которые характерны для рынка товаров и услуг, нуждаются в появлении законодательных норм для конструкций договоров, то важно наличие действенных механизмов для урегулирования экономических отношений между участниками сделки. Нормы отдельных договорных конструкций (предварительный договор, рамочный договор) как важного элемента гражданского оборота, которые применяются сегодня, нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Целью исследования является анализ правового регулирования договорных конструкций (предварительный договор, рамочный договор) в Российской Федерации, выявление имеющихся в сфере их правоприменения проблем и возможных путей их решения.
Материалы и методы. В ходе исследования использована совокупность общенаучных и специальных способов познания правовой действительности. К числу активно используемых в работе методов следует отнести системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-юридический, логический.
Результаты исследования. Доказано, что важнейшие преимущества отдельных договорных конструкций (предварительный договор, рамочный договор) заключаются в возможности гибкости для сторон при выстраивании отношений, которые на этом основании имеют более долгосрочный характер. Исследуемые договорные конструкции в условиях изменяющейся экономической ситуации и потребностей гражданского оборота в Российской Федерации нуждаются в постоянном законодательном совершенствовании, в связи с чем выработан ряд положений, которые могут способствовать дальнейшему теоретическому анализу таких важных понятий, как рамочный договор и предварительный договор, и их использованию в правоприменительной деятельности.
Обсуждение и заключение. Определены проблемы, имеющиеся в вопросах применения отдельных договорных конструкций (предварительный договор, рамочный договор) в условиях российского гражданского оборота, что не только актуализирует проведенное научное исследование, но и способствует определению тенденций совершенствования новых подходов к пониманию исследуемой проблемы в доктрине, законодательстве и практике.

Ключевые слова: предварительный договор, рамочный договор, договорные отношения, договорные конструкции, гражданско-правовое регулирование

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Рыбак С.В. Договор как регулятор организационных отношений в российском гражданском праве. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(2):31–37. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-31-37

Original Empirical Research

A Contract as a Ruling Mechanism of Organizational Relationships in the Russian Civil Law

Svetlana V. Rybak
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
svetoch_2504@mail.ru

Abstract

Introduction. The article seeks to investigate the problems of the contractual normative legal regulation as a mechanism ruling the organizational relationships in the national civil law. The relevance of this topic is induced by the theoretical and practical importance of the certain contract designs (preliminary agreement, framework agreement), their legal regulation features in the up-to-date settings. One of the objectives of the contemporary civil law is to create the designs of the contracts that ensure the stable development of the civil turnover in the context of the current economic situation development in the country and in the world. The economic relationships typical for the market of goods and services require the legislative norms for designing the contracts, thus it is important to have the efficient mechanisms ruling the economic relationships between the parties of a transaction. Being an important element of the civil turnover, the norms, which are currently used in the design of the certain contracts (preliminary agreement, framework agreement) need further improvement. The aim of the present research is to analyse the legal regulation ensured by the contract designs (preliminary agreement, framework agreement) in the Russian Federation, identify the problems arising during their legal enforcement and possible ways to solve them.

Materials and Methods. In the frame of the research, a combination of the general scientific and specific methods of legal reality cognition were used. Among the methods actively used to carry out the research there were the system-structural, comparative-legal, legalistic, logical methods.

Results. It has been proved that the most important advantage in the designs of the certain contracts (preliminary agreement, framework agreement) is the possibility for the parties to build the flexible relationships, which thus acquire the longer-term character. In the context of the changing economic situation and the civil turnover requirements in the Russian Federation, the design of the contracts in question needs constant legislative improvement, therefore a number of provisions have been developed to foster further theoretical analysis of such important phenomena as a framework agreement and a preliminary agreement, and their application in the legal enforcement practices.

Discussion and Conclusions. The problems referring to application of the certain contract designs (preliminary agreement, framework agreement) in the context of the Russian civil turnover have been identified. This makes the conducted research not only up-to-date, but also helps to define the trends for improving the new approaches to understanding the studied problem in the doctrinal, legislative and practical aspects.

Keywords: preliminary agreement, framework agreement, contractual relations, a design of a contract, civil law regulation

Acknowledgements. The author is grateful to the reviewer for critical assessment of the materials and suggestions for their improvement, which contributed to the significant enhancement of the article quality.

For citation. Rybak SV. A Contract as a Ruling Mechanism of Organizational Relationships in the Russian Civil Law. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(2):31–37. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-31-37

Введение. Проблемы договорных конструкций в условиях современного гражданского оборота имеют особое значение и вызывают огромный интерес со стороны как отечественного законодателя, так и представителей научного сообщества и правоприменителей. Исследованию договорных конструкций в отечественной цивилистической доктрине посвящены работы: О.С. Иоффе, О.А. Красавчикова, М.И. Брагинского, В.В. Витрянского, Е.А. Суханова, П.В. Крашенинникова, Р.С. Бевзенко, Е.В. Карнушина и многих других. Вместе с тем имеется неотъемлемая потребность в проведении дальнейших исследований с учетом актуализации действующего законодательства и правоприменительной практики.

В условиях стремительного развития экономики и увеличения количества сделок в сфере гражданских отношений различные субъекты гражданского права переходят на более надежные схемы работы, благодаря чему реализуются интересы всех участников сделки.

Чаще всего участников гражданских сделок связывают деловые отношения, когда выполнение обязательств сторонами производится на систематической основе в течение длительного времени. При этом они имеют право на заключение договора, в котором будут указаны условия и цели таких отношений, а наиболее важные условия будут определяться только тогда, когда будет заключен основной договор.

В качестве подобной отсрочки для согласования условий можно считать тот факт, что сторонам важно осуществить долгосрочное сотрудничество. Вот почему необходимость для сторон определить важные условия договора в рамочном соглашении носит нецелесообразный характер. Именно рамочный договор позволяет найти подходящее решение в плане баланса для различных интересов сторон. На сегодня рамочный договор находит самое широкое применение в гражданских правоотношениях. На практике все чаще применяется механизм предварительного договора, что привело к появлению некоторых проблем в связи со специфическими обязательствами по заключению указанного договора. Поскольку указанные вопросы имеют недостаточную теоретическую проработку, то существующую правоприменительную практику следует считать нестабильной по своему характеру. Также не решены вопросы относительно правовой природы рамочного договора и его места в системе гражданских обязательств. В этих условиях договорная правовая конструкция как важнейшее правовое средство воздействия на экономику государства, находится в зоне особого и постоянного внимания отечественных ученых-цивилистов.

Экономические отношения, которые характерны для рынка товаров и услуг, нуждаются в появлении законодательных норм для конструкций договоров, то важно наличие действенных механизмов для урегулирования экономических отношений между участниками сделки. Те нормы по рамочным договорам как важным элементам по осуществлению регулирования гражданских экономических отношений, которые применяются сегодня, нуждаются в дальнейшем преобразовании. Благодаря этому даже при наличии сложных экономических условий можно добиться сотрудничества на качественной основе для участников гражданского оборота.

Целью исследования является анализ правового регулирования договорных конструкций (предварительный и рамочный договоры) в Российской Федерации, выявление имеющихся в сфере их правоприменения проблем и возможных путей их решения.

Материалы и методы. В статье осуществлен анализ нормативного правового регулирования, направленного на договорные конструкции, наибольший интерес среди которых представляют рамочный договор, предварительный договор и договор с открытыми условиями. В исследовании применялись общие и специально-правовые методы научного поиска. Основу методологии исследовательской деятельности составили следующие методы научного познания: диалектический, структурно-юридический (догматический), формально-логический. Использование вышеуказанных методов позволило проанализировать юридическое содержание положений действующего законодательства и судебной практики.

Результаты исследования. Наша жизнь немыслима без гражданских правоотношений, складывающихся в первую очередь на таких юридических фактах как сделки-договоры. В то же время, говоря о главенствующей роли гражданско-правового договора в современных условиях, исследователи отмечают, что среди инструментов правового регулирования он занимает второе место (играет вспомогательную роль), уступая закону [1]. Заключая договор, стороны должны осознавать, что такой договор должен соответствовать императивным нормам гражданского законодательства.

На сегодняшний день имущественные отношения занимают доминирующее положение в отличие от других общественных отношений. При этом роль договора как способа правового регулирования отношений между субъектами гражданского права возрастает, а также повышается возможность реализации принципа стабильности гражданского оборота[1].

Понятие «договор» используется в отечественной правовой доктрине в разных аспектах, например, договор определяется как сделка (причём законодатель даёт легальное определение для каждого вида договора) или понимается как правоотношение, либо рассматривается как документ. Являясь юридическим фактом, договор порождает обязательственное правоотношение, основной целью которого является надлежащее исполнение сторонами принятых на себя обязанностей и осуществление принадлежащих им прав. Из структуры нормативных актов вытекает, что договор – это юридический акт, так как благодаря ему происходит регулирование общественных отношений. В.Е. Карнушин, ссылаясь на ГК РФ, определяет договор как источник регулирования возникших отношений [2].

Различия в понимании юридической природы гражданского договора имеет место в отечественной цивилистической доктрине. Однако свою точку зрения ученые зачастую не подкрепляют необходимыми аргументами.

Существует позиция, согласно которой не стоит объединять такие правовые явления, как «сделка» и «правоотношение» в одно единое понятие и делать «договор» дополнением к ним. Объясняется это единством научной терминологии и недопустимости дефиниций, обозначающих различные явления. В противном случае возникает конфликт в методологии. Термин «договор» должен использоваться только в рамках той дефиниции, которая допускает надобность данного понятия. Например, правоотношение является договором только по основанию его установления сделкой. Таким образом, понятие «договор», безусловно, преследует любую сделку, не являясь обязательным для устанавливаемого ею правоотношения. То же самое касается и «договора как документа», который также не следует отделять

[1] *По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 19 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Фирма Рейтинг».* Постановление Конституционного Суда РФ № 3-П от 21.02.2014. Собрание законодательства РФ.2014;9:951.

от договора-сделки, потому что форма не существует без содержания. По правилам если сделка прекращается, то документ не имеет никакой правовой ценности, т.е. формы, т.к. содержание отсутствует. Следовательно, такой документ не имеет значения для материального права, но остается интересным как доказательство совершения действий по заключению договора. Поэтому понятие гражданско-правового договора включает одно явление-сделку и в последующем должно вытеснить из доктрины «многопонятийность» гражданско-правового договора.

Кроме легального определения к каждому виду договора законодатель выделяет обособленный набор правил, который не применяется к другому вышеупомянутому явлению. При этом следует отметить, что законодательное определение договора было подвергнуто критике цивилистами. Так, определение договора как договоренности двух или более сторон, по мнению отдельных ученых, является неудачным. В литературе указывается на методологический и юридический дефекты, которые имеют место в данном определении. Суть неточности с точки зрения значения заключается в том, что термин «договоренность» выступает синонимом понятия «договор». В словаре синонимов русского языка синонимами договора определены такие понятия, как соглашение, контракт, договоренность. Как подчеркивает М.С. Дадаева, такой подход в определении договора не дает нам новой информации, в данном случае процесс познания правового явления (договора) «идет по кругу», оставаясь в стороне от его сути. Без сомнения, приведенная критика является справедливой, однако следует учесть и положительные моменты легального определения договора [3]. Прежде всего, такое решение законодателя связано со стремлением к унификации цивилистических терминов и категорий, используемых в правовых системах государств-участников СНГ.

Существует большое видовое многообразие договоров, где часть видов договоров, в свою очередь, имеет определенные разновидности: гражданско-правовой договор (договор купли-продажи – поставка товаров, контрактация, розничная торговля и т.д.; договор аренды – здания и сооружения, предприятия, прокат и др.), нормативный договор, административный договор, трудовой договор. Некоторые авторы выделяют еще и межотраслевой договор смешанного типа. Так, к примеру, А. Бычков [4], Е.М. Комиссарова [5] указывают, что это трудовой договор с элементами гражданско-правового договора или наоборот.

Содержание любого гражданско-правового договора имеет первостепенное значение, так как, согласно ст. 432 ГК РФ, сделка будет признана незаключенной при недостижении хотя бы одного существенного условия договора. Следовательно, для придания договору юридической силы необходимо минимальное количество условий, поименованных законодателем, как существенные.

В связи с наличием в любой сфере жизни информационной диспропорции стороны зачастую не учитывают существенные условия сделки, закреплённые законодателем за тем или иным видом договора. В результате суды вынуждены признавать такие сделки незаключенными, что приводит к невыгодным правовым последствиям для обеих сторон.

Проблема отсутствия в гражданском законодательстве чёткого перечня существенных условий того или иного обязательства (сделки) способствует принятию противоречивых судебных решений, что создаёт отсутствие единообразной правоприменительной практики. Такая же проблема присутствует и в теории гражданского права. Точки зрения учёных разнятся в связи с разными концептуальными подходами к пониманию смысла «существенные условия договора». Так, О.А. Красавчиков, изучая данную проблему, разграничивал условия договора и обязательства, отмечая, что условия сделки – это элементы соглашения, составляющие её содержание, а права и обязанности субъектов есть содержание гражданского правоотношения. Следовательно, содержание договора существует обособленно от правоотношения (обязательства) [6]. Такое разграничение оправдывается как логически, так и практически.

Гражданское законодательство закрепляет два вида существенных условий сделки:

– объективно-существенные. Это предмет и условия договора, что определяются законодательством как основные;

– субъективно-существенные. Это условия, которые установлены сторонами как обязательные.

Данное утверждение обосновывается Постановлением Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» где существенным условиям отводится два пункта (2 и 3)[2]. Таким образом, необходимо согласовать объективные (законные) условия и субъективные (договорные), которые остаются на усмотрение субъектов сделки.

Существенным условием любого договора выступает, конечно, его предмет. Далее законодатель для отдельных разновидностей сделок закрепляет вспомогательные существенные условия. Так, М.Н. Брагинский считает, что «предмет договора должен восприниматься в узком смысле и отвечать на вопросы «чего» и «сколько» [7, с. 255]. Указанная позиция учёного подтверждается судебной практикой. Так, Высший Арбитражный Суд РФ пришел к выводу, что обязательственное правоотношение не прекращается в случае истечения срока договора.

[2] *О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора.* Постановлением Пленума ВС РФ № 49 от 25.12.2028. Российская газета. 2019;4.

Значительной законодательной новеллой стало появление в ГК РФ конструкции рамочного договора (договора с открытыми условиями). Указание данной конструкции договора в законодательстве связано с большим количеством случаев заключения подобных договоров в гражданском законодательстве, что также подтверждается значительной судебной практикой[3].

В современных условиях рамочный договор используется достаточно широко в гражданском обороте. К указанному виду договоров могут быть отнесены такие договоры, как договор подряда, договор об открытии кредитного счета, договор по банковскому обслуживанию. Такие договорные конструкции дают возможность для определения основных условий, которые могут присутствовать в содержании договоров, а также определять правила для того, чтобы стороны осуществляли сотрудничество по договорам в будущем. Однако возникают определенные сложности по определению договоров имущественного и иного типа, определению их правовой природы [8].

Дополнительными признаками рамочных договоров являются:

1) Наличие двойного волеизъявления. При заключении договора важно наличие воли от сторон согласованного характера. Когда есть воля у одной сторон, которая предлагает договор, то ее принято выражать в оферте как в согласии к заключению договора, это показывает волеизъявление сторон в отношении сделки.

2) Рамочные договоры важны для упрощения будущих договоров ввиду снижения вероятности того, что уже согласованные условия будут пересмотрены [9].

Вместе с тем, по словам Н.Н. Карпова в отношении опционных договоров, некорректно использовать положения, закрепленные в гл. 27 ГК РФ, применительно к гражданско-правовым договорам на безвозмездной основе [10].

Также нет понимания того, что делать с реальными договорами. В соответствии с реальным договором, у кредитора возникает право на требования в отношении другой стороны, но оно действует только с момента, когда произошла передача вещи, ранее обязательств по договору не имеется, как не возникает в связи с этим прав и обязанностей.

Договор опционного типа используется, когда до исполнения возникает право требования. Применительно к вопросу о предварительных договорах полагаем возможным указать, что последние применяются на практике все чаще, и в процессе их применения возникает значительной количество проблем, имеющих отношение к стадии заключения договора. В частности, отсутствует четкое понимание места предварительного договора в системе договорных обязательств. Не менее важен вопрос по соотношению предпосылок договора и его юридического состава. Указанные вопросы имеют далеко не полную теоретическую проработанность. А потому в сфере правоприменения возникают определенные сложности. П.А. Меньшенин считает, что ряд вопросов важно систематизировать и объяснить с точки зрения российского права [11]. Следует также отметить, что в рамках предварительного договора происходит ограничение свободы должника применительно к основному договору. В данном случае представляется обоснованным закрепление в законодательстве нормы об ответственности сторон до того, как они заключат основной договор. Отношения преддоговорного характера не охватывают существующую классификацию гражданских правоотношений, однако они проявляются в контексте связи между сторонами. Если одна из сторон ведет себя недобросовестно по отношению к другой стороне, то происходят изменения в ее имущественном положении, и природа ответственности носит деликтный характер.

Предварительный договор в контексте выполнения работ и оказания услуг можно рассматривать в качестве вида закреплений сторонами условий будущего договора, а также в качестве самостоятельного договора, в соответствии с которыми при невыполнении его положений одной из сторон возникают неблагоприятные последствия.

С 1 июня 2015 г. в ГК РФ законодательно был определен рамочный договор. В соответствии с п. 1 ст. 429.1 ГК РФ рамочным (договором с открытыми условиями) признается договор, определяющий общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров, подачи заявок одной из сторон или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора. Рамочный договор носит двусторонний характер, так как это соглашение по обязательствам сторон – одна сторона выступает в качестве должника другой стороны, в то же время она выступает ее кредитором, и имеет в ее отношении требования. Еще один аспект рамочного договора – на его основе можно заключать отдельные договоры, осуществлять подачу заявок. Рамочный договор вместе с договорами последующего характера можно считать взаимодополняющими. Рамочный договор, появившийся в правовом регулировании сравнительно недавно, стал активно применяться в поставочных правоотношениях. В Постановлении Пленума ВАС № 49 было сформулировано разъяснение, что если в договоре поставки имеются открытые условия, то такой договор признается рамочным (организационным), где могут быть закреплены лишь общие положения сделки, а недостающие условия будут определены посредствам подачи заявок, заключения отдельных договоров или иными подобными способами[4].

[3] *Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2009 № 09АП-9342/2009-АК по делу № А40-40998/09-96-166* // Документ опубликован не был. URL: http://www.consultant.ru; *Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2008 по делу № А05-8872/2008* // Документ опубликован не был. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 19.05.2024).

[4] *О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора.* Постановлением Пленума ВС РФ № 49 от 25.12.2028. Российская газета. 2019;4.

На практике подобный порядок именуется «спецификация к договору поставки» и обязанность составить такой документ будет зависеть от содержания самого договора поставки, в котором и идет указание на рамочный характер. Данное указание является обязательным, т.к. в противном случае договор поставки можно признать незаключенным.

Важно подчеркнуть, что конструкция рамочного договора была известна ранее и допускалась судами, однако легальное введение в ГК РФ не решила ряд проблем, касающихся применения данного договора. Законом не закреплена обязанность спецификации к договору поставки, поэтому зачастую возникает вопрос: заключения дополнительных соглашений для исполнения договора поставки – это право или обязанность? В правоприменительной практике в данном случае существует два варианта: заключение дополнительных соглашений, принятия заявок и т.п. и рассматривается как право, когда, к примеру, товар находится у продавца и стороны руководствуются ст. 421 ГК РФ.

Предлагаем разрешение обозначенной проблемы следующим образом.

Во-первых, следует изначально в рамочном договоре однозначно определять порядок и варианты исполнения данного договора.

Во-вторых, необходимо решить проблему определения взаимосвязи рамочного договора и последующих соглашений, заключенных во исполнение договора поставки. Субъекты рамочного договора поставки могут совершать различные дополнительные соглашения и другие операции, однако необходимо подтверждение того факта, что они исполняются в соответствии с условиями рамочного договора. Поэтому важное значение имеют доказательственные документы взаимосвязи всех операций с рамочным договором поставки.

В-третьих, существует также проблема отсутствия законодательного перечня документов, которые относятся к спецификации, т.е. необходимо определить, каким способом и в какой форме должны заключаться соглашения, заявки к рамочным договорам. Российские суды, если имеется налицо взаимосвязь поставки с рамочным договором, относят к доказательствам счета-фактуры, соглашения, товарные накладные, и многое другое[5]. Однако, предлагаем внести большую определенность в данную сферу отношений и при заключении рамочного договора уже описать или согласовать порядок конкретных поставок либо других операций по сделкам.

В-четвертых, имеется проблема подтверждения факта поставки товаров.

Анализ сложившейся судебной практики наглядно демонстрирует тот факт, что суд определяет примерный перечень условий, характерных для рамочного договора, однако, полный их перечень составить не представляется возможным на основании их значительного количества[6].

Обсуждение и заключение. В ходе проведенного исследования нормативной правовой основы Российской Федерации, регламентирующей договорные конструкции, юридической доктрины, а также анализа сложившейся судебной практики были сделаны следующие выводы.

1. Предварительный договор создает особый вид договорных обязательств, которые создают отдельную группу гражданско-правовых договоров. Рассмотренная в работе «предвидимость» – это способ реагирования, юридическая конструкция, опция, инструмент, который позволяет соотнести их с ответственностью за возможные убытки. В данной связи проявляется значение предварительного договора, в качестве договора организационного типа, когда происходит реализация правового механизма, который отличается от реализации договора на основании оферты. В то же время остается ряд вопросов, требующих своего разрешения в рамках последующих научных исследований.

2. Рамочный договор – договор, определяющий долгосрочные отношения между сторонами, указывает условия совершения действий для реализации обязательств, когда возникает важность повторного согласования воли сторон в отношении содержания других договоров. Заключение рамочного договора позволяет осуществлять гибкое регулирование деловых отношений, возникающих между сторонами. Применение рамочного договора порождает ряд рисков, которые возможно исключить или минимизировать с помощью детального и точного составления этого договора.

Список литературы / References

1. Гонгало Б.М. (ред.) *Гражданское право: учебник.* В 2 томах. Т. 1. Москва: Статут; 2017. 511 с.

Gongalo BM (ed.) *Civil Law: Course book*. In 2 Volumes. Vol. 1. Moscow: Statut Publ.; 2017. 511 p. (In Russ.).

2. Карнушин В.Е. Общетеоретическое понятие договора: цивилистический взгляд. *Российская юстиция.* 2017;(8):4–7.

Karnushin VE. The Theoretical Concept of Contract: The Civil Law View. *Rossijskaya yusticiya.* 2017;(8):4–7. (In Russ.).

3. Дадаева М.С. Общая характеристика воли в гражданском праве Российской Федерации. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2020;(3):67–69.

[5] *Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.12.2017 № Ф04-4631/2017 по делу № А27-2305/2017* // Документ опубликован не был. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 19.05.2024).

[6] *Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 апреля 2015 г. по делу № Ф04-16395/2015* // Документ опубликован не был. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 19.05.2024).

Dadaeva MS. General Characteristic of Will in the Civil Law of the Russian Federation. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2020;(3):67–69. (In Russ.).

4. Бычков А. Смешанный трудовой договор: диктует практика. *Новая бухгалтерия.* 2016;(2):126–144. URL: https://www.eg-online.ru/article/303916/ (дата обращения: 20.04.2024).

Bychkov A. A Mixed Employment Contract: Practice Dictates. *Novaya bukhgalteriya*. 2016;(2):126–144. URL: https://www.eg-online.ru/article/303916/ (accessed: 20.04.2024). (In Russ.).

5. Комиссарова Е.Г. *Единство и дифференциация в системе гражданско-правовых договоров.* URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=105020#1hTMOFU8AbdZDsdX4 (дата обращения: 20.05.2024).

Komissarova EG. *Unity and Differentiation in the System of Civil Law Contracts*. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=105020#1hTMOFU8AbdZDsdX4 (accessed: 20.05.2024). (In Russ.).

6. Красавчиков О.А. *Категории науки гражданского права: избранные труды.* В 2 томах. Т. 2. Москва: Статут; 2023. 243 с.

Krasavchikov OA. *Categories of the Science of Civil Law: Selected Works*. In 2 Volumes. Vol. 2. Moscow: Statut Publ.; 2023. 243 p. (In Russ.).

7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. *Договорное право. Общие положения.* Москва: Статут; 2001. 476 с.

Braginsky MI, Vitryansky VV. *Contract Law. General Provisions*. Moscow: Statut Publ.; 2001. 476 p. (In Russ.).

8. Левушкин А.Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры. *Актуальные проблемы российского права.* 2018;(2(87)):19–26.

Levushkin AN. Specific Contractual Constructions: Framework, Option and Subscription Agreements. *Actual Problems of Russian Law*. 2018;(2(87):19–26. (In Russ.).

9. Райников А.С. Проблемы применения рамочных договоров (договоров с открытыми условиями). *Сибирский юридический вестник.* 2018;(3(82)):37–46.

Rainikov AS. Implementation Issues Pertaining to Framework Agreements (Agreements with Open Ended Terms). *Siberian Law Herald*. 2018;(3(82)):37–46. (In Russ.).

10. Карпов Н.Н. Договор поставки товара в торговые сети как механизм защиты прав потребителей: теоретико-правовой аспект. *Актуальные проблемы российского права.* 2021;(6):123–132. http://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.127.6.123-132

Karpov NN. The Contract for the Delivery of Goods to Retail Chains as a Mechanism for Consumer Rights Protection: A Theoretical and Legal Aspect. *Actual Problems of Russian Law*. 2021;16(6(127)):123–132. http://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.127.6.123-132 (In Russ.).

11. Меньшенин П.А. *Предварительный договор в российском гражданском праве*. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Москва; 2011. 26 с.

Menshenin PA. *Preliminary Agreement in the Russian Civil Law.* Extended Abstract of Cand.Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2011. 26 p. (In Russ.).

Об авторе:

Светлана Викторовна Рыбак, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код: 4796-6517, ORCID, svetoch_2504@mail.ru

About the Author:

Svetlana V. Rybak, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), SPIN-code: 4796-6517, ORCID, svetoch_2504@mail.ru

***Конфликт интересов*: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.**

***Conflict of Interest Statement*: the author does not have any conflict of interest.**

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Поступила в редакцию / Received 21.05.2024
Поступила после рецензирования / Revised 20.06.2024
Принята к публикации / Accepted 21.06.2024

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
CRIMINAL LAW SCIENCES

Статья-перспектива

УДК 343.98

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-38-45

EDN: IRAXCX

Начальная посткриминальная деятельность и ее влияние на исходную следственную ситуацию расследования тяжких и особо тяжких преступлений

А.С. Андреев
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
✉ modusoperandi@yandex.ru

Аннотация

Введение. Закономерное и поступательное развитие науки криминалистики обусловлено различными геополитическими, экономическими, социальными условиями прогресса Российской Федерации и нашего общества, а также трансформациями явлений, процессов, событий, связанных с преступностью и борьбой с ней. Неизбежным следствием любой преступной деятельности является посткриминальная деятельность лиц, связанных с событием преступления и его расследованием. Установлено, что в среднем каждый пятый гражданин Российской Федерации за четыре – пять лет сталкивается и действует в преступной и посткриминальной действительности. О взаимном проникновении и имеющихся скрытых регулярностях и закономерностях свидетельствуют статистические данные и проведенный нами специально разработанный анализ эмпирической составляющей исследования. Современное состояние борьбы с преступностью характеризуется ростом тяжких и особо тяжких преступлений, латентностью, посткриминальной субсеквентностью, рецидивоопасностью, высокими показателями нераскрытых преступлений прошлых лет. С одной стороны, наблюдается цифровизация способов преступлений и/или их тиражирование из-за рубежа, появляются новые способы сокрытия преступлений и противодействия их расследованию, а с другой – происходят системные изменения уголовного законодательства, уголовно-процессуального законодательства, которые обусловливают имеющиеся недостатки и возникающие потребности правоохранительных органов в криминалистическом обеспечении начала расследования. Указанные выше обстоятельства актуализируют выбор темы статьи, подчиненной цели – познание закономерного влияния первичной посткриминальной деятельности лиц на содержание исходных ситуаций расследования.

Материалы и методы. Лонгитюдное исследование проводилось на основе системного, ситуационного и деятельностного подходов. Программа проведенного исследования содержит научный метод неоднократного наблюдения за преступной и посткриминальной действительностью. При постановке проблемы были проведены сравнительный анализ данных официальной статистики за последние пять лет и научно-тематический анализ криминалистической и специальной литературы. Для выявления влияния первичной посткриминальной деятельности на исходные ситуации применялись математические методы анализа полученных закономерностей и взаимосвязей на основе разработанной авторской программы исследования уголовных дел, методов теории вероятности, теории моделирования и ряд других.

Результаты исследования. В статье представлены результаты аналитической работы (проведенной в 2020–2024 гг.), сформулированы выводы и предложения. Выявлено и доказано влияние начальной посткриминальной деятельности на исходную следственную ситуацию расследования тяжких и особо тяжких преступлений, подтверждена ранее установленная связь между степенью тяжести совершенного преступления и посткриминальным противодействием расследованию, исследованы особенности посткриминальной деятельности отдельных участников, связанных с событием преступления, проанализировано влияние степени организованности преступной деятельности на содержание посткриминального противодействия, содействия либо уликового поведения.

Обсуждение и заключение. За 2020–2024 гг. наблюдается тенденция роста количества приемов сокрытия тяжких и особо тяжких преступлений у субъектов преступления, наиболее рельефно данная взаимосвязь проявляется по делам о преступлениях, совершенных группой лиц, детерминирует большинство исходных ситуаций как неблагоприятно-конфликтные. Полученные криминалистические знания как результат исследования могут быть использованы не только учеными-криминалистами при построении отдельных методик расследования тяжких и особо тяжких преступлений, но и следователями при оценке и разрешении исходных ситуаций таких преступлений. Исходная следственная ситуации как обстановка, в которой начинается расследование тяжкого или особо тяжкого преступления, есть экстраполяция противоречий между качественными критериями содействия расследованию и количественными сочетаниями противодействия расследованию участников, связанных с событием преступления или уликового поведения. Посткриминальная деятельность лиц, связанных с событием преступления, напрямую связана с механизмом совершения тяжкого и особо тяжкого преступления, свойствами личности отдельных субъектов.

Ключевые слова: начальная посткриминальная деятельность, следственная ситуация, расследование тяжких и особо тяжких преступлений, преступная деятельность, сокрытие преступления, жертва преступления, криминалистика

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Андреев А.С. Начальная посткриминальная деятельность и ее влияние на исходную следственную ситуацию расследования тяжких и особо тяжких преступлений. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(2):38–45. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-38-45

Perspective Article

Post-Criminal Behaviour Beginning and Its Influence on the Initial Stage of Investigative Situation of Grave and Especially Grave Crimes

Alexander S. Andreev ✉
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
✉ modusoperandi@yandex.ru

Abstract
Introduction. The expedient and ongoing development of the forensic science is explained by the various geopolitical, economic and social conditions of the progress taking place in the Russian Federation and our society, as well as by transformation of the phenomena, processes and events referring to the crime and combating thereof. Any criminal activity is inevitably followed by the post-criminal behaviour of the persons related to the event of crime and its investigation. It has been acknowledged that within four – five years period, on average, every fifth citizen of the Russian Federation encounters and acts in the criminal and post-criminal reality. The statistical data and specially elaborated author's own analysis conducted in the empirical part of the research have revealed the mutual penetration and the existing latent regularities and patterns. The current state of combating the crime is characterised by the increase of grave and especially grave crimes, latency, post-criminal subsequence, recidivism and high rates of unsolved crimes. On the one hand, there take place the digitalization of crime methods and/or their replication from abroad, there emerge the new ways of crime concealment and counteracting the investigation thereof, and, on the other hand, there go on the systemic changes in the criminal law, criminal procedure legislation, which result in existing shortcomings and arising need of the law enforcement authorities for criminalistic support at the beginning of investigation. The above circumstances have determined the choice of the topic of the article, which is subordinate to the aim of studying the logical influence of the beginning of the post-criminal behaviour of the persons on the content of the initial investigative situations.
Materials and Methods. The longitudinal study was conducted using the systemic, situational and activity-based approaches. The program of the conducted research involved the scientific method of repeated observation over the criminal and post-criminal reality. While distinguishing the problem, a comparative analysis of the official statistical data for the last five years and scientific and thematic analysis of the forensic and specialised literature were carried out. To identify the influence of the post-criminal behaviour beginning on the initial situation, the mathematical methods of analysis of the obtained patterns and relationships were used based on the author's developed program of studying the criminal cases, along with the probability theory methods, modeling theory and a number of other methods.
Results. The article presents the results of the analytical work (carried out within the period of 2020-2024), formulates the conclusions and suggestions. The influence of the post-criminal behaviour beginning on the initial investigative situation of grave and especially grave crimes was revealed and proved, the previously established interrelation between the

crime gravity and post-criminal counteraction to the investigation was confirmed, the features of the post-criminal behaviour of the certain participants related to the event of crime were studied, the influence of the criminal activity organisation degree on the content of the post-criminal counteraction, assistance or behavioural evidences was analysed.

Discussion and Conclusion. It was found that in the period of 2020–2024 the number of concealment methods of grave and especially grave crimes tends to increase among the subjects of crime. This was most prominently manifested in the cases of crimes committed by a group of persons, which led to determining the majority of the initial stages of investigative situations as unfavourable and conflict. The forensic knowledge acquired upon the research can be used not only by the forensic scientists for elaborating the certain methods of investigating the grave and especially grave crimes, but also by the investigators for assessing and investigating the initial stages of the investigative situations of such crimes. The initial investigative situation is a situation, when the investigation of grave or especially grave crimes begins, it represents an extrapolation of the contradictions between the qualitative criteria facilitating the investigation and quantitative combinations of the investigation counteraction or the behavioural evidences of the participants related to the event of crime. The post-criminal behaviour of the persons related to the event of crime is directly connected to the mechanism of committing the grave and especially grave crime, to the characteristics of the personality of a certain subject of crime.

Keywords: post-criminal behaviour beginning, investigative situation, investigation of grave and especially grave crimes, criminal activity, concealment of a crime, victim of a crime, forensics

Acknowledgements. The author is grateful to the reviewer for critical assessment of the materials and suggestions for their improvement, which contributed to enhancement of the article quality.

For citation. Andreev AS. Post-Criminal Behaviour Beginning and Its Influence on the Initial Stage of Investigative Situation of Grave and Especially Grave Crimes. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(2):38–45. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-38-45

Введение. Ландшафт современного мироустройства находится в критической для существования неопределенности и хаоса, причинно-обусловленного разломами различных системных образований, институтов и отношений, демонстрирует неординарно сложившуюся ситуацию в истории развития человечества. Преступная деятельность выступает причиной различных деструктивных явлений, событий, ситуаций в российском обществе, обозначившей все новые проблемы для правоприменения в раскрытии и их расследовании и соответственно познания в криминалистике и смежных уголовно-правовых науках.

В Российской Федерации «в 2023 году зарегистрировано – 1947,2 тыс. преступлений, что на один процент в сравнении с предыдущим годом меньше. В 2023 году в результате преступной деятельности погибла двадцать одна тысяча человек и 32,4 тыс. человек причинен тяжкий вред (-0,6 %)»[1]. Неизбежно закономерным следствием любой преступной деятельности является посткриминальная деятельность лиц, связанных с событием преступления и его расследованием. По результатам исследования автора, в среднем каждый пятый гражданин Российской Федерации за четыре-пять лет сталкивается и действует в преступной и посткриминальной действительности. При этом следует иметь в виду, что стержнем первоначальной посткриминальной деятельности выступает противодействие расследованию, и не менее остро стоит проблема противодействия правосудию. В международном аспекте проблема вовлечения таких субъектов и противодействия (воспрепятствования) правосудию достаточно интересно рассмотрена индонезийскими учеными, которые, опираясь на эмпирические данные, установили, что «действие считается препятствующим отправлению правосудия, если оно сделано намеренно, чтобы помешать процессу судебного разбирательства идти гладко» [1, с. 73].

Наличие закономерностей криминалистической деятельности в борьбе с преступностью, возможности создания криминалистических систем знаний по раскрытию, расследованию и превенции преступлений обусловлены объективной обстановкой, в которой происходит расследование. Обстановка, в которой начинается расследование преступления (исходная ситуация), выступает как диалектически устойчивый элемент объектной организации науки криминалистики, так и обязательной составляющей процессов познания и доказывания по конкретному уголовному делу. Поэтому изучение влияния (с точки зрения взаимосвязей и взаимозависимостей, то есть закономерностей) первичной посткриминальной деятельности на содержание исходных ситуаций расследования выступает одной из важных задач науки криминалистики для ее предметного содержания и практики борьбы с преступностью. Познание следственных ситуаций носит поступательный характер, согласно законам развития науки криминалистики, но при этом связь с первоначальной посткриминальной деятельностью детально не исследовалась, хотя первые предпосылки заложены Р.С. Белкиным, Л.Я. Драпкиным, В.П. Лавровым, И.М. Лузгиным и многими другим учеными-криминалистами. Указанные факты позволяют выдвинуть гипотезу работы –

[1] *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года.* Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Москва; 2024. С. 2–7.

установление взаимосвязей между составляющими первоначальной посткриминальной деятельности лиц и исходной ситуации позволит создать системы криминалистических знаний для субъектов предварительного следствия и повысить показатели эффективности антикриминальной деятельности в Российской Федерации.

Цель исследования – познание закономерного влияния первичной посткриминальной деятельности лиц на содержание исходных ситуаций расследования.

Материалы и методы. Лонгитюдное исследование проводилось на основе системного, ситуационного и деятельностного подходов, на основе данных, полученных автором в 2020 году [2], и при последующем повторном сравнении и анализе с 2021 по 2024 гг. Авторская программа проводимого исследования содержит научный метод неоднократного наблюдения за преступной и посткриминальной действительностью. При постановке проблемы были проведены сравнительный анализ данных официальной статистики за последние пять лет и научно-тематический анализ криминалистической и специальной литературы. Для выявления влияния первичной посткриминальной деятельности на исходные ситуации применялись математические методы анализа полученных закономерностей и взаимосвязей. Разработанная авторская программа исследования включала анализ более 800 уголовных дел, 415 обвинительных приговоров с использованием методов теории вероятности, теории моделирования и ряда других методов.

Результаты исследования. Одной из проблем исследования посткриминальной деятельности, связанной с событием преступления, является недостаточное отражение в материалах уголовных дел информации о такой деятельности. В связи с чем были выделены наиболее характерные уголовные дела по тяжким и особо тяжким преступлениям. При этом отметим, что приемы и способы посткриминальной деятельности отражены в 62,3 % от исследованного массива эмпирической базы уголовных дел.

Основу начальной посткриминальной деятельности в исследованных уголовных делах составила негативная посткриминальная деятельность в виде различных приемов сокрытия тяжких и особо тяжких преступлений или противодействия их расследованию – 73 % на 27 % соответственно (следует понимать некоторую условность полученных данных, поскольку ряд приемов сокрытия обосновывают приемы противодействия расследованию). Иными словами, сокрытие тяжких преступлений и противодействие их расследованию в целом выступает закономерно устойчивым и повторяющимся явлением посткриминальной действительности, порожденной преступной реальностью и деятельностью (более 90 % всех изученных приемов посткриминальной деятельности – количественный критерий, влияющий на содержание исходных следственных ситуаций). При этом следует учитывать, что уликовое поведение выявляется на начальном этапе, встречается в каждом 20-ом случае (немногим более 5 %).

Несмотря на то, что позитивная посткриминальная детальность встречается лишь в чуть менее трех процентов, значение таких приемов велико, поскольку они выступают средством профилактики и недопущения противодействия на начальном этапе расследования тяжких и особо тяжких преступлений. Позитивная посткриминальная детальность также нейтрализует реализованные приемы негативной посткриминальной деятельности как качественный критерий, влияющий на содержание исходных следственных ситуаций.

Таким образом, исходная следственная ситуации как обстановка, в которой начинается расследование тяжкого или особо тяжкого преступления, есть экстраполяция противоречий между качественными критериями содействия расследованию и количественными сочетаниями противодействия расследованию участников, связанных с событием преступления или уликового поведения.

Особо следует отметить, что на первоначальном этапе расследования тяжких и особо тяжких преступлений субъекты предварительного расследования и субъекты ОРД сталкиваются с приемами псевдосодействия, а по сути противодействия расследованию (оговор, самооговор, псевдоявка, признание в мнимом преступлении и т.д.). В процентном соотношении таких приемов начальной посткриминальной деятельности – менее двух процентов, однако таковые на первоначальном этапе существенно осложняют раскрытие преступлений ввиду не соответствующих фактическим данным криминалистических версий.

Итак, исходность следственных ситуаций при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений проецируется диаметрально противоположными центрами посткриминальной деятельности содействия или противодействия расследованию. Типизация же таких ситуаций должна исходить не только по общепринятой логической схеме от «виновный известен и задержан/известен не задержан/ неизвестен и не задержан», но и «заподозренный известен (до контакта с правоохранительными органами осуществлял сокрытие преступлений/не осуществлял) и содействует расследованию (или противодействует) / заподозренный неизвестен (до контакта с правоохранительными органами осуществлял сокрытие преступлений/не осуществлял) и заявитель, очевидцы содействуют расследованию (частично, противодействуют или отсутствуют таковые)».

Подчеркнем, что на содержание начальной посткриминальной деятельности влияет количество эпизодов преступной детальности, в данном случае прослеживается неоднократно доказанная автором закономерность – чем выше степень тяжести преступления(ий), тем выше уровень посткриминального противодействия расследованию и его плотность. При этом следует отметить и такой недостаток в работе следователей по одноэпизодным уголовным делам данной категории, что посткриминальные действия и поступки как в виде противодействия,

так и содействия расследованию гораздо менее часто обнаруживаются и фиксируются в первичных материалах уголовных дел, чем в многоэпизодных (различия достигают более 30 %). Количественные показатели и плотность посткриминального противодействия расследованию по многоэпизодным преступлениям растет с увеличением количества эпизодов, тогда как качественные показатели содействия расследованию сокращаются и наоборот. Нами неоднократно отмечалось, что по многоэпизодным уголовным делам количество нейтрализованных приемов сокрытия и противодействия расследованию составило чуть менее 2,4 приема на один эпизод, тогда как по одноэпизодным уголовным делам составил только 1, 2 приема.

Отметим, что увеличение количества приемов посткриминального противодействия расследованию на треть сократило качественные и количественные показатели содействия расследованию. Позитивная посткриминальная деятельность у субъектов преступления и других участников события тяжкого и особо тяжкого преступления проявляется наиболее в первые 35-40 минут после совершения, что обусловливается психофизиологическим и эмоциональным состоянием участников.

Итак, количественные показатели посткриминального противодействия расследованию тяжких преступлений:

а) снижают качество и количество посткриминальных действий и поступков, связанных содействием расследованию, рассматриваемых нами преступлений;

б) не влияют на содействие расследованию и благоприятность исходных следственных ситуаций.

Следует учитывать, что следователь в трети изученных автором дел сталкивается с исходной следственной ситуацией, когда реализуются одновременно приемы содействия и противодействия расследованию. В таких ситуациях поиск признаков содействия и/или противодействия расследованию существенно осложнено не только спецификой начальной обстановки расследования, но и удвоением криминалистических трудозатрат и сложностями в расшифровке, проверке такой информации, обусловленной необходимостью проверки следственных конверсий [3–7]. Только в каждом тридцатом случае такая деятельность включала два и более способа содействия расследованию преступлений. Наиболее минимальные показатели содействия составили 87 %. Подчеркнем, что в силу специфики тяжких и особо тяжких преступлений посткриминальная деятельность субъектов, связанных с событием таких преступлений, может включать противоположные виды посткриминальной деятельности (вызов скорой помощи – воспрепятствование проникновению на место преступления участников СОГ), по исследованным уголовным делам такие диаметрально противоположные приемы встретились в 1,8 % случаях, однако личный опыт и опрос правоприменителей свидетельствует, что такой процент гораздо выше [8–11]. При этом качество содействия расследованию в виде различных приемов, поступков участников события преступления имеет самостоятельный синергетический характер, поскольку лишает субъекта преступления и связанных с ним лиц реализовывать подготовленные ранее (на стадиях подготовки или совершения) приемы посткриминального противодействия, а также требует разработки новых с учетом сложившейся обстановки в начале расследования.

В ряде уголовных дел (не более 15 %) встречается безразличное посткриминальное поведение, когда субъект тяжкого и особо тяжкого преступления не предпринимал каких-либо действий по содействию или противодействию расследованию, а продолжал привычный образ жизни (продолжал распивать спиртное, лег спать, выполнял домашние дела). Безразличное посткриминальное поведение детерминировано субъективными свойствами и состоянием таких субъектов, в том числе и мыслительной деятельностью, связанной с принятием решений и выбором способа посткриминальной деятельности на случай обнаружения и контакта с правоохранительными органами. Посткриминальная деятельность жертвы рельефно противоположна деятельности субъекта преступления и зависит от степени и характера знакомства с ним. Жертва является основным субъектом содействия расследованию. Нами не исследовалась посткриминальная деятельность каждой шестой жертвы ввиду ее смерти или состояния здоровья. Для очевидцев тяжкого и особо тяжкого преступления наиболее высоким оказался процент уликового и безразличного поведения (в среднем более 35 %, а по уголовным делам с количеством эпизодов более трех такой процент достигает более 70 %). Детерминантой посткриминальной деятельности выступает количество лиц, совершивших преступление, и посткриминальная деятельность (таблица 1).

Таблица 1

Распространенность и процентное соотношение участников начальной посткриминальной деятельности и поведения

Распространенность участников начальной посткриминальной деятельности и поведения в связи с совершением тяжкого и особо тяжкого преступления	Процентное соотношение
Группой лиц по предварительному сговору	49,9 %
Одним лицом	27,9 %
Группой лиц без предварительного сговора	18,5 %
Организованной группой	3,7 %

Организованная посткриминальная деятельность групп по предварительному сговору (чуть менее половины – 49,9 %) наиболее часто встречается по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, что существенно осложняет обстановку, в которой начинается их расследование, и требует применения необходимых мер оперативно-розыскного реагирования вместе с оперативно-тактическими комбинациями.

Проведенное исследование показало, что наиболее благоприятны, с точки зрения доказательств, выступают те исходные ситуации, в которых реализовались на основе единого замысла как оперативно-розыскные мероприятия (которые, по сути, позволяют нейтрализовать негативные формы проявления посткриминальной деятельности), так и неотложные следственные действия. Степень организованности преступной группы влияет на содержание посткриминального противодействия расследованию и достигает максимальной плотности, что предопределяет исходные ситуации как неочевидно-неблагоприятные, имеющие потенциальный риск тактических ошибок и рисков, вызванных посткриминальным противодействием (таблицы 2, 3).

Таблица 2

Содержание первичной посткриминальной деятельности в случае совершения тяжкого и особо тяжкого преступления одним лицом

Субъект/ Итого от общего количества	Приемы первичной посткриминальной деятельности			
	Противодействие расследованию, в том числе сокрытие преступления	Содействие расследованию	Включают противодействие и содействие расследованию	% приемов от общего числа
Субъект преступления / субъект посткриминальной деятельности: одно лицо (27,9 %)	124 из 456 приемов	3 из 99 приемов	6 из 39 приемов	23 %
Итого от общего количества	27,19 %	3,03 %	15,38 %	27,9 % из 100 %

Таблица 3

Содержание первичной посткриминальной деятельности в случае совершения тяжкого и особо тяжкого преступления группой лиц

Субъект / Итого от общего количества	Приемы первичной посткриминальной деятельности			
	Противодействие расследованию, в том числе сокрытие преступления	Содействие расследованию	Включают противодействие и содействие расследованию	% приемов от общего числа
Субъект преступления / субъект посткриминальной деятельности совершил преступление в составе группы (73,1 %)	332 из 456 приемов	96 из 99 приемов	33 из 39 приемов	77 %
Итого от общего количества	72,80 %	96,96 %	84,61 %	73,1 % из 100 %

Содержание первичной посткриминальной деятельности в случае совершения тяжкого и особо тяжкого преступления одним лицом характеризуется рядом криминалистических важных корреляций, детерминируемых исходных ситуаций расследования таких преступлений, а именно, треть преступников-одиночек реализует треть приемов посткриминального противодействия расследованию, при этом содействуют лишь в каждом 8 случае, что характеризует исходные ситуации как неочевидные. Таким образом, установлена типичность исходных ситуаций расследования по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях по признаку их неочевидности, то есть отсутствуют либо данные о событии и субъекте преступления, либо поводов и оснований к возбуждению уголовного дела недостаточно. Для лиц, впервые совершивших тяжкое и особо тяжкое преступление, характерно алогичное посткриминальное поведение, то есть включающее как приемы сокрытия, так и первичного содействия раскрытию преступлений, что причинно-обусловливает специфическую исходную ситуацию.

Методы анализа и разрешения исходных ситуаций должны учитывать данные или признаки совершения преступления группой лиц либо преступником одиночкой с учетом возможных трансформаций сложных динамических систем, относящихся к механизму посткриминальной деятельности и ситуативности раскрытия такой преступной и посткриминальной деятельности (поведения).

Отметим, что вопросы оценки исходной ситуации практически не отражаются в изученных нами уголовных делах, а о такой деятельности, следовательно, можно судить в научном исследовании лишь косвенно по алгоритмам следственных действий, принятию уголовно-процессуальных решений и сроках расследования. Однако такой научный метод криминалистического познания дает возможность установления влияния исходной ситуации расследования тяжкого и особо тяжкого преступления, детерминированной первичной посткриминальной деятельностью, на содержание выдвинутых следственных версий и сроки их проверки, а также спрогнозировать модели изменения поведения участников предварительного расследования.

Указанные обстоятельства также имеют значение для научной разработки новых тактических приемов и их комбинаций при производстве следственных действий

Обсуждение и заключение. Итак, за 2020–2024 гг. наблюдается тенденция роста количества приемов сокрытия тяжких и особо тяжких преступлений у субъектов преступления, наиболее рельефно данная взаимосвязь проявляется по делам о преступлениях, совершенных группой лиц, детерминирует большинство исходных ситуаций как неблагоприятно-конфликтные. Полученные криминалистические знания как результат исследования могут быть использованы не только учеными-криминалистами при построении отдельных методик расследования тяжких и особо тяжких преступлений, но и следователями при оценке и разрешении исходных ситуаций таких преступлений. Исходная следственная ситуации как обстановка, в которой начинается расследование тяжкого или особо тяжкого преступления, есть экстраполяция противоречий между качественными критериями содействия расследованию и количественными сочетаниями противодействия расследованию участников, связанных с событием преступления или уликового поведения. Посткриминальная деятельность лиц, связанных с событием преступления, напрямую связана с механизмом совершения тяжкого и особо тяжкого преступления, свойствами личности отдельных субъектов. Представляются целесообразными разработки новых криминалистических методов, приемов, рекомендаций, нацеленных на повышение эффективности антикриминальной деятельности в Российской Федерации.

Список литературы / References

1. Isra S, Yuliandri, Amsari F, Tegnan H. Obstruction of Justice in the Effort to Eradicate Corruption in Indonesia. *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2017;(51):72–83. https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2017.07.001

2. Андреев А.С. *Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и практике расследования преступлений*. Дис. д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону; 2021. 654 с.

Andreev AS. Post-Criminal *Activity as an Object of Knowledge in Criminology and the Practice of Crime Investigation*. Dr.Sci. (Law) Dissertation. Rostov-on-Don; 2021. 654 p. (In Russ.).

3. Andreev AS. A False Alibi as a Component of Criminal Activity and Post-Criminal Behavior of the Participants of the Investigation and Assize. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2014;5(2):57–62.

4. Намнясева В.В. К вопросу о квалификации самооговора. *Теория и практика общественного развития*. 2014;(11):158–160.

Namnyaseva VV. Concerning Qualification of Self-Incrimination. *Theory and Practice of Social Development*. 2014;(11):158–160. (In Russ.).

5. Варданян А.В., Фойгель Е.И. Некоторые аспекты криминалистического изучения личности несовершеннолетнего потерпевшего по делам о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности. *Всероссийский криминологический журнал*. 2023;17(3):263–272.

Vardanyan AV, Foygel EI. Some Aspects of the Forensic Study of an Underage Victim's Personality in Crimes Against Sexual Freedom and Integrity. *Russian Journal of Criminology*. 2023;17(3):263–272. (In Russ.).

6. Варданян А.В. Проблема систематизации цифровых методов оперативно-розыскной деятельности, используемых в борьбе с дистанционными хищениями, и их криминалистическое значение. *Юристъ-Правоведъ*. 2022;(2(101)):7–13.

Vardanyan AV. The Problem of Systematization of Digital Methods of Operational Investigative Activities Used in the Fight against Remote Embezzlement and Their Forensic Significance. *Yurist"-Pravoved"*. 2022;(2(101)):7–13. (In Russ.).

7. Варданян А.В., Макаренко И.А. Дискредитация субъектов раскрытия и расследования преступлений и криминалистические методы ее нейтрализации. *Всероссийский криминологический журнал*. 2022;16(5):638–645.

Vardanyan AV, Makarenko IA. Discrediting the Subjects of Crime Disclosure and Investigation and the Criminalistic Methods of Neutralizing It. *Russian Journal of Criminology*. 2022;16(5):638–645. (In Russ.).

8. Лавров В.П. *Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет.* Москва: ВШ МВД СССР; 1972. 87 с.

Lavrov VP. *Features of the Investigation of Unsolved Crimes of the Past Years.* Moscow: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publishing House; 1972. 87 p. (In Russ.).

9. Расследование преступлений. Работа полиции: пособие по оценке систем уголовного правосудия. Т. 2. В: *Материалы Управления ООН по наркотикам и преступности*. Нью-Йорк: ООН; 2010. 39 с.

Investigation of Crimes. Work of the Police: A Handbook on the Assessment of Criminal Justice. Vol. 2. In: *Proceedings of the United Nations Office on Drugs and Crime*. New York: UN; 2010. 39 p. (In Russ.).

10. Аристархова Т.А. Сокрытие следов и иные формы противодействия расследованию экстремистских преступлений против прав и законных интересов человека и гражданина. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2015;(1–2):24–30.

Aristarkhova TA. Conceal the Traces and Other Forms of Counteraction to Investigation of Extremist Crimes Against Rights and Legitimate Interests of Citizens. *Izvestiya Tula State University*. *Economic and Legal Sciences*. 2015;(1–2):24–30. (In Russ.).

11. Бибиков А.А. Воздействие на участников уголовного процесса и уклонение участников уголовного процесса от участия в его производстве как формы противодействия расследованию преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2017;(1–2):38–46.

Bibikov AA. Impact on Participants in the Criminal Process and Evasion of Participants of Criminal Procedure from Participating in Its Production as Forms of Counteraction to Investigation of Crimes Related to Violation of Traffic Rules and Operation of Vehicles. *Izvestiya Tula State University*. *Economic and Legal Sciences*. 2017;(1–2):38–46. (In Russ.).

Об авторе:

Александр Сергеевич Андреев, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код: 2262-3936, ScopusID, ORCID, modusoperandi@yandex.ru

About the Author:

Alexander S. Andreev, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code: 2262-3936, ScopusID, ORCID, modusoperandi@yandex.ru

Конфликт интересов: **автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.**

Conflict of Interest Statement: the author does not have any conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Author has read and approved the final version of the manuscript.

Поступила в редакцию / Received 30.05.2024
Поступила после рецензирования / Revised 25.06.2024
Принята к публикации / Accepted 25.06.2024

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
CRIMINAL LAW SCIENCES

УДК 3343.851
Оригинальное теоретическое исследование

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-46-55

EDN: KWPYCH

Криминологические характеристики личности убийц с психическими аномалиями и особенности их выявления

Н.В. Сараев[1] , **А.И. Мелихов**[2]
[1] Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
[2] Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация
✉ snv_571978@mail.ru

Аннотация
Введение. Общеизвестно, что эффективность предупреждения криминальных деяний возможно обеспечить при условии сконцентрированного внимания на личности преступника, которая является носителем криминогенных сегментов детерминационного комплекса, стержнем механизма преступного поведения. Результаты исследований показывают, что ряд сегментов современной насильственной преступности детерминированы специфической социальной средой, содержание которой составляет психологический процесс привыкания населения к опасным криминальным формам. В связи с этим существует проблема осознания криминала как неотъемлемой части социальной среды, нормы окружающей действительности, превращающейся в некое выгодное «жизненное лекало», которое хотят «примерить» все большее количество граждан, допускающих готовность ради достижения цели не только нарушить закон, но и проявить при этом агрессию и насилие. В статье предпринята попытка раскрыть содержание социально-психологического анамнеза личности убийцы с психическими аномалиями, определить ряд превентивных мер. Актуальность исследования обусловлена тем, что психологический фон общества, отражающий реакцию населения на определенные события, проявляется и в распространенности тех или иных клинических проявлений, способных влиять на противоправную поведенческую вариативность. Так, среди лиц, совершивших убийство, удельный вес преступников с патологиями психики достигает 50 %. Целью исследования является криминологический анализ закономерностей формирования личности убийц с психическими аномалиями и определение превентивных мер по выявлению лиц исследуемой категории.
Материалы и методы. В статье проанализированы результаты исследований отечественных и зарубежных ученых механизма насильственных проявлений лиц с психическими аномалиями. В процессе исследования использовались общенаучные, а также специальные научные методы: комплексные методы анализа и содержания закономерностей окружающей действительности, влияющих на формирование антиобщественных агрессивных установок личности, а также статистический метод и метод системного анализа современных общественных формаций.
Результаты исследования. Отражена важность исследуемого вида криминального насилия с позиции антиобщественной вредоносности как особого уголовно-правового и криминологического феномена. Выявлены проблемы этимологии психических аномалий. Обоснована проблематика определения и реализации мер превентивной направленности в отношении лиц с расстройствами психики.
Обсуждение и заключение. Современная радикализация общественных формаций, связанная с коренным изменением компонентов и устоев жизнедеятельности индивида, не может не влиять на состояние проявлений клинического характера, динамику таких наиболее острых их форм, как расстройства психики, проявляющиеся зачастую в агрессивном, неадекватном поведении. Не может не настораживать тот факт, что Ростовская область находится на четвертом месте по потребляемости антидепрессантов, что свидетельствует о высоком уровне тревожности в социуме. Негативные особенности формирования личности, связанные с неблагоприятным воздействием факторов внешней среды, проявятся по прошествии времени и будут трансформироваться посредством так называемого «криминального эха». В процессе расследования уголовного дела при диагностике психических расстройств личности убийцы полагаем возможным определение комплекса мер криминологической терапии в свете реализации положений вступившего в силу с 1 января 2024 года Федерального закона «О пробации в Российской Федерации».

Ключевые слова: личность преступника, психические патологии, этимология психических аномалий, обеспечение безопасности, предупреждение преступлений

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Сараев Н.В., Мелихов А.И. Криминологические характеристики личности убийц с психическими аномалиями и особенности их выявления. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(2):46–55. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-46-55

Original Theoretical Research

Criminological Features of the Personality of Killers with Psychic Deviations and Specifics of Detecting Thereof

Nikolay V. Saraev[1] ✉, Aleksandr I. Melikhov[2]
[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation
✉ snv_571978@mail.ru

Abstract
Introduction. It is well known that a criminal deed can be efficiently prevented by focusing the intent attention on the criminal's personality, which bears the criminogenic features of the determinative system, serves as a backbone for the criminal behaviour mechanism. As follows from the existing research results, some features of the present-day criminal violence are determined by the specific social environment, which implies psychological adoption of the population to the dangerous criminal phenomena. In this regard, there arises a risk of perceiving a crime as an integral part of the social environment, a norm of the surrounding reality, which turns into a kind of a beneficial "life pattern" for the increasing number of citizens, who are willing to "try it on" because, for the sake of achieving a goal, they are ready to accept the idea of not only violating the law, but also of demonstrating the aggression and violence while doing so. The article attempts to reveal the subject matter of the psychosocial anamnesis of the personality of a killer with psychic deviations, to identify a range of preventive measures. The study is relevant because the psychological background of the society, which reflects the reaction of the population to the certain events, also reveals itself in wide-spreading the certain clinical manifestations influencing the unlawful behavioural variability. Thus, among the persons who had committed a murder, the proportion of criminals with psychic deviations reaches 50 %. The aim of the study is to provide a criminological analysis of the personality formation patterns of the killers with psychic deviations and define the preventive measures for identifying the persons of the studied category.
Materials and Methods. In the article the results of the research carried out by the native and foreign scientists on the mechanism of violence manifestations in the persons with psychic deviations was analysed. Within the study the general scientific and specific scientific methods were used: the comprehensive methods of analysis and content study of the surrounding reality consistent patterns that influence the formation of the antisocial aggressive mindset in a personality, as well as the statistical method and the method of system analysis of the present-day social formations.
Results. The importance of the studied type of criminal violence has been determined from perspective of the antisocial harmfulness of this special phenomenon of the criminal law and criminology. The problems of the psychic deviations etymology have been revealed. The difficulties in defining and implementing the preventive measures towards the persons with the psychic disorders have been substantiated.
Discussion and Conclusion. The present-day radicalization of the social formations caused by the radical changes in the components and foundations of the life of an individual cannot but influence the state of the clinical manifestations, the dynamics of their most acute forms, such as psychic disorders, which are often manifested in aggressive, inadequate behaviour. It is alarming that the Rostov region occupies the fourth place in consumption of the antidepressants, which indicates a high level of anxiety in society. The negative features of the personality formation related with the adverse influence of the surrounding reality factors will manifest themselves over time and will transform through the so-called "criminal echo". We believe that while investigating a criminal case, as long as the psychic disorder in a killer's personality has been diagnosed, it is possible to determine a range of measures of the criminological therapy in the frame of implementation of the provisions of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation", which entered into force on January 1, 2024.

Keywords: personality of a criminal, psychic pathologies, etymology of psychic deviations, ensuring the security, prevention of the crimes

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewer for critical assessment of the materials and suggestions on their improvement, which contributed to enhancement of the article quality.

For citation. Saraev NV, Melikhov AI. Criminological Features of the Personality of Killers with Psychic Deviations and Specifics of Detecting Thereof. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(2):46–55. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-46-55

Введение. Насильственные способы разрешения конфликтных ситуаций в современном социуме без преувеличения относятся к разряду важнейших общественных мировых проблем, воздействующих негативным образом на формирование правосознания и нравственной сферы общества. Именно они задают отрицательный вектор духовному развитию индивидов, трансформируют гипертрофированные ценностные ориентации, оказывают влияние на процесс воспитания подрастающего поколения, обусловливают принятие политических решений, затрагивающих вопросы в экономической и социальной сферах многих государств.

Пытаясь исследовать проблемы влияния процессов глобализации на права человека, профессор Е.А. Лукашева отмечает, что поиск истоков насилия является трудной задачей в условиях мимикрирующих факторов современного общества, попытках создания однополярного мира [1].

Особо настораживает недооценка последствий восприятия стереотипа агрессивно-насильственного поведения в российском обществе. Сегодня в СМИ почти ежедневно сообщается о перестрелках в Москве и других крупных городах, связях высокопоставленных чиновников с организованной преступностью, убийствах и других актах насилия. В условиях ограничения возможностей реализации своего потенциала индивидами, в том числе зачастую в условиях социальной несправедливости, последние рассматривают насильственную вариативность как проявление доминирования над своим оппонентом, что заставляет научное сообщество обратить внимание на ценностно-смысловые элементы формирования личности в современном мире. К тому же данные процессы протекают на фоне массового снижения допустимого порогового значения ответственности граждан по различным обязательствам, среди которых – долговая нагрузка за жилищно-коммунальные услуги, значительный рост кредитных невыплат и др. [2]. Попытки отрицать роль личностной установки в совершении преступления противоречат современному состоянию знаний о внутреннем механизме противоправного поведения.

Среди обстоятельств, обусловливающих преступления, центральное место занимают личность виновного, ее нравственные и психические дефекты, поскольку тот или иной вариант поведения в конечном счете выбирает действующее лицо. Поэтому большое значение для правильной организации предупредительно-профилактической работы имеет изучение вопросов формирования мотивационно-смысловой ориентации личности насильственного преступника в условиях разного уровня поведенческой вариативности и действия нормативных барьеров. Следует отметить, что если в научных работах 90-х годов прошлого столетия, посвященных изучению насильственной преступности, ученые в основном были сходны во мнении о невысоком социальном статусе насильственного преступника, то сегодня практика свидетельствует о необходимости более пристального изучения феномена личности насильственного типа [3].

Изменение качественных и количественных характеристик общественно опасного поведения обусловливает необходимость установления и проведения научного анализа тех социальных процессов, которые создают предпосылки для негативных тенденций преступности. Своевременное и научно обоснованное осмысление криминологических индикаторов является залогом определения и реализации действенной системы превентивных мер.

Свои труды по данной проблематике посвятили Доллард, Миллер и Берковитц [4]. В частности, Доллард и Миллер отмечают, что, хотя агрессивное поведение может являться возможной реакционной вариативностью на фрустрационные процессы, иерархическое его поведение зависит от конкретных обстоятельств жизнедеятельности. Вместе с этим ученые отмечают об участившемся развитии ответной реакции в качестве агрессии на фрустрационные явления. По мнению Берковитца, фрустрация является следствием агрессивных тенденций, однако, на данный процесс оказывает влияние ряд ситуационных факторов, относящихся к источнику агрессии. Агрессивное поведение может быть подвергнуто корректировке при условии воздействия на ситуации.

Поступательная институциональная эволюция правовых фундаментальных позиций, на которых базируются основы суверенного современного государства, невозможна без своевременной реализации средств правового регулирования, обеспечивающих незыблемость правового статуса человека и гражданина в условиях перманентного воздействия целого ряда рисков и угроз, детерминирующих противоправное поведение личности. Воздействие наиболее опасных форм криминального поведения на психологический контент социальной жизнедеятельности не позволяет гражданам быть уверенными в надлежащем уровне своей защищенности, что влияет на эффективность проводимых государством реформ. Социальная сущность политики претворения уголовного закона

в жизнь заключается в реализации, во-первых, принципа неотвратимости наказания, во-вторых, в превенции криминального поведения, т.е. снижении криминализации общественных отношений [5].

Проблемы изучения институциональной сферы криминализации общества тесным образом связаны с деформациями мотивационной сферы человека. Следует отметить, что такой центральный элемент криминального механизма, как личность правонарушителя, закрепляется в уголовном законе в нескольких положениях, регламентирующих вопросы реализации принципа справедливости, назначения наказания и т.д. Рассматриваемый контент позволяет констатировать значимость криминологических и других исследований характеристик личности лица, совершившего преступления, именно в рамках познания мотивационной сферы, таких ее элементов, как потребность, интерес, ценностная ориентация и конфликтная ситуация. Рассматриваемые элементы, безусловно, не несут фатального негативного заряда и установки на криминальную поведенческую вариативность. Они будут являться «спусковым крючком» только при наличии определенных условий, среди которых важную роль играют расстройства психики [6].

Целью исследования является криминологический анализ закономерностей формирования личности убийц с психическими аномалиями и определение превентивных мер по выявлению лиц исследуемой категории.

Материалы и методы. В исследовании использованы комплексные методы анализа и содержания закономерностей окружающей действительности, влияющих на формирование антиобщественных агрессивных установок личности, а также статистический метод и метод системного анализа современных общественных формаций.

Социальный фактор является одним из основных, влияющих на состояние психического здоровья человека. Среди значимых составляющих социального фактора традиционно рассматриваются уровень образования, фактор трудовой занятости, профессиональный статус. Отмечают также влияние на состояние здоровья населения урбанизации, которую в ряде случаев соотносят с величиной города и длительностью проживания в нем. Фактор наличия или отсутствия семьи, а также благополучие семейных взаимоотношений является важным для психического здоровья человека. Все перечисленные факторы при неблагополучном их стечении, создают так называемые группы риска, в которых уровень распространенности психической патологии может быть выше, чем в общей популяции.

Более 30 % населения России нуждаются в консультативной или лечебной помощи врача-психиатра, нарколога или психотерапевта. Из них в психиатрические учреждения страны ежегодно обращаются за психиатрической и наркологической помощью только 7,8 млн человек, что составляет около 5,2 % населения России. Финансирование охраны психического здоровья является мощным инструментом разработки политики по повышению качества лечения психических заболеваний. Без адекватного финансирования политика и планирование охраны психического здоровья остаются лишь благими пожеланиями и добрыми намерениями [7].

Анализ психотравмирующих переживаний, связанных с безработицей, показывает, что чрезвычайно острыми являются, прежде всего, финансовые проблемы, неопределенность будущего, сужение круга общения, невостребованность профессиональных знаний и образования, что свидетельствует о фрустрации наиболее значимых потребностей личности: социальной, материальной, профессиональной и ряда других. В свою очередь указанные психотравмирующие факторы создают такие проблемы, как нарушение микросоциальных и внутрисемейных отношений, а также одиночество. Указанные психотравмирующие факторы, безусловно, вызывают аффективные нарушения (пониженный фон настроения, тревога, явления апатии и астении). Социально-стрессовые факторы, являясь объективной реальностью современной жизни, приводят к психоэмоциональному перенапряжению людей, существенно повышают риск развития аффективной патологии.

Важность изучения данной проблемы отмечает Ю.М. Антонян. «Изучение личности преступников с психическими аномалиями позволит установить удельный вес представителей отдельных нозологических групп среди них, связи между видами аномалий и видами преступного поведения, между возрастом правонарушителей и распространенностью и видом патологии, влияние последней на занятость, наличие и уровень квалификации, семейное положение, рецидив преступлений и мелких правонарушений, совершение преступлений в группе и т.д.» [7, 8]. Применительно к личностям с нарушениями психики всегда следует ориентироваться на психологические черты, которые детерминированы этими нарушениями, в совокупности с теми, которые не затронуты патологическим процессом.

Результаты исследования. Характеристики общественных формаций, неразрывно связанные с реагированием государственных и общественных институтов на те или иные вызовы современности, к сожалению, не отличаются стабильностью и требуют от индивида активного приспособления в условиях техногенной среды, сопряженной со значительными психическими перегрузками. Ученые отмечают, что в условиях воздействия на личность комплекса неблагоприятных компонентов среды лица, у которых проявляются расстройства психики, болезненно реагируют на элементы социальной несправедливости, а их поведение приобретает общественно опасные формы [9, 10].

Практика показывает, что насильственные поведенческие акты лиц, имеющих расстройства психики, характеризуются повышенной степенью общественной опасности. Следует отметить, что данный вид криминального насилия с позиции антиобщественной вредоносности следует рассматривать как особый уголовно-правовой и криминологический феномен, обусловленный следующими обстоятельствами:

– насильственные поведенческие акты характеризуются посягательствами на такой элемент неприкосновенности личности, как право на жизнь;

– криминальные посягательства, сопряженные с аномалиями психики, как правило, требуют при расследовании значительных правоохранительных ресурсов, а их повышенный общественный резонанс способствует формированию в обществе комплекса тревожности и незащищенности;

– относительная распространенность тяжких насильственных деяний, совершенных лицами с психическими патологиями, может породить комплекс так называемых «борцов за справедливость», что влияет на уровень социальной напряженности в обществе.

Организация правоохранительной деятельности по противодействию криминального поведения лиц с аномалиями психики, с одной стороны, предусматривает типичный сценарий по нейтрализации криминогенных детерминантов и установления лиц, склонных к совершению преступной агрессии, с другой стороны, специфика таких преступлений требует проведения криминологического мониторинга с привлечением специалистов медицины, криминальной психиатрии. Криминологи отмечают, что участившиеся случаи криминального насилия лиц с психическими аномалиями оказывают деморализующее воздействие на общество, вызывают сомнение в способности органов правопорядка защитить своих близких, а медицинских учреждений возможности изолировать таких лиц в специальные стационары [6, 11]. Закономерно, что рассматриваемая проблематика обусловливает повышенную актуализацию исследований, связанных с вопросами криминологической детерминации и юридической оценкой патологий психики преступников.

Основополагающее значение в организации превентивной деятельности насильственного поведения лиц с аномалиями психики имеет своевременное выявление и криминологический анамнез психических патологий. По нашему мнению, криминологический анамнез должен включать деятельность, направленную на сбор данных о возможных причинах заболевания, имеющих противоправный характер, процессах, определивших трансформацию такого поведения в крайние формы насилия. Существенное значение имеют следующие факторы:

– как именно влияют эти аномалии на поведение лиц рассматриваемой категории;

– как они взаимодействуют с социальными явлениями;

– какова структура, динамика и особенности преступности лиц, страдающих психическими расстройствами, и что определяет их преступное поведение;

– какие требуются меры воздействия на этих лиц и на условия, способствующие их преступной активности.

Поэтому не вызывает сомнения целесообразность рассмотрения медицинской профилактики (оказание медицинской помощи) как одного из важных аспектов предупреждения данного вида преступности. Криминологическое разрешение этих проблем предопределено необходимостью выработки адекватных мер реагирования.

Игнорирование перечисленных детерминант делает практически невозможной профилактику рассматриваемых преступлений (в первую очередь насильственных). Между тем, как показывает практика, правоприменитель не всегда компетентен в вопросах корреляционной связи между психическими аномалиями и противоправным поведением ввиду недостаточной эмпирической, практической и информационной осведомленности, что во многом порождается недостаточным количеством исследований в этой области. Квинтэссенцией превентивной системы мер насильственного поведения лиц с аномалиями психики будет выступать своевременное выявление и реализация мер воздействия на явления и процессы, влекущие психические патологии.

Следует отметить, что руководящие документы Всемирной организации здравоохранения регламентируют спектр критериев, характеризующих здоровье психики:

– осмысление и ощущение определенности, стабильности и целостности физического и психологического сегментов индивида как личности (взаимосвязь и взаимообусловленность мыслительных, эмоциональных и поведенческих сегментов);

– ощущение стабильности и определенности поведенческой вариативности в однородных ситуациях (склонность индивида к эмоциональному восприятию ситуаций, например, тождественных, обладать способностью их предвидения);

– умение самокритично подходить к оценке своего поведения;

– адекватность реакций психических процессов на те или иные раздражители окружающей среды (обстоятельства и ситуации);

– сформированность навыков контролировать поведенческие акты согласно нравственным и правовым нормам.

Общепринятой является позиция, согласно которой под аномалиями психики понимаются психические расстройства, предполагающие вменяемость, к которым относятся:

– разнообразные психопатические формы;

– легкие формы слабоумия,

– последствия органических поражений центральной нервной системы;

– алкоголизм и наркомания, которые влекут снижение реакционного реагирования на воздействие в первую очередь конфликтных ситуаций.

Психические расстройства формируют барьеры гармоничного генезиса и реализации социально полезных черт личности; снижают действие инструментов внутреннего контроля, способствуют случайным антиобщественным поведенческим актам.

Следует отметить, что этимология психических аномалий носит приобретенный характер, и лишь в отдельных случаях она может быть связана с наследственной предрасположенностью. Вместе с этим значение патологий, хотя и определяется существенной, обусловливающей поведение нагрузкой, однако не обладают фатальностью поведенческой вариативности [7, 8].

Рассматривая содержание интеллектуального и волевого критериев, следует отметить, что аномалии психики препятствуют процессу индивидуальной социализации и блокируют способность оценивать свои действия и осуществлять руководство ими. Безусловно, спектр, содержащий психолого-психиатрические индикаторы, не исчерпывается только типологическими характеристиками. Большинство психических процессов у лиц с расстройствами психики протекают в рамках установленных нормативных границ, которые предполагают определенный уровень правоспособности и вменяемости. Поэтому также важно обратить внимание на социально-демографические, социологические и нравственные характеристики лиц исследуемой категории.

Личность убийцы с аномалиями психики характеризуется наличием ряда характеристик, связанных с немотивированным агрессивным поведением и сниженным потолком контроля принятия волевых решений, ослабленным действием контрольных механизмов, которые оказывают негативное воздействие на процесс социализации личности и являются предпосылками антиобщественного поведения. В процессе жизнедеятельности данные пограничные явления могут иметь скрытый характер и восприниматься окружающими не как расстройства психики, а как черты характера.

Специалисты отмечают, что личность убийцы с аномалиями психики характеризуется сниженными значениями поведенческой вариативности в ситуациях воздействия сегментов конфликтных ситуаций, которые препятствуют генезису социально полезных индивидуальных свойств и создают барьеры к их адаптации в мимикрирующих условиях среды.

По мнению М.В. Осинова, границы нормативного значения поведенческой адекватности индивида на раздражители среды тесным образом взаимосвязаны с выбором поведенческой вариативности с учетом конкретным жизненных обстоятельств [12].

Вместе с тем, профессор П.Б. Ганнушкин указывает на достаточно условные границы между здоровым и отклоняющимся состоянием психики, аргументируя это тем, что психическая сфера характеризуется соматическим неустойчивым характером [13].

Известный специалист В.А. Гиляровский на основе значительного эмпирического материала пришел к выводу, что психические расстройства являются следствием негативного воздействия внешних факторов на элементы неустойчивой психики [8].

Согласно классификации М.Т. Хэзлема, отклонения в развитии личности могут быть в пределах нормальной личности; бывают люди, неадекватно реагирующие на тривиальные стрессы и психическое напряжение; люди, которые выглядят моложе своих лет, характеризуются как незрелые личности; существуют расстройства личности с проявлением устойчивого безответственного поведения агрессивного или криминального типа, часто сопровождающиеся правонарушениями и неразборчивостью в связях (таких людей, по мнению ученого, можно назвать социопатами – живущими определенным образом в структурированной среде, в которой не бывает стрессов, а в более серьезных случаях – психопатами) [7].

Следующая группа расстройств – психопатия. Акт о психическом здоровье, принятый в Великобритании в 1983 г., определяет психопатическое расстройство, являющееся крайней формой расстройства личности, как устойчивое расстройство или умственную несостоятельность (с существенным нарушением интеллекта или без такового), проявляющееся в аномально агрессивном или серьезно безответственном поведении со стороны рассматриваемого индивидуума. Это определение дает основание для принудительного направления человека в клинику с возможным назначением медицинского лечения. Данные расстройства личности сопровождаются деструктивным, злонамеренным или неприкрыто агрессивным поведением.

Исследуя личность убийцы с аномалиями психики следует иметь ввиду, что и в юридическом, и психиатрическом смыслах внутренняя сторона поведения индивида характеризуется психическими недостатками. В таких случаях их душевное состояние не оценивается критериями невменяемости, что, безусловно, создает значительные трудности в выявлении и медицинской корреляции поведения взрослого человека.

Представляют интерес результаты исследований Ю.М. Антоняна и С.В. Бородина, которые исследуя личность убийцы с аномалиями психики, предприняли попытку раскрыть сущность психического расстройства, выражающаяся в индикаторах психического состояния, значение которых варьируется выше психотического дна, не исключающих вменяемости, и оказывающая влияние на вариативность антиобщественного поведения [8]. Аномалии психики, которые наблюдались у убийц, препятствовали им отдавать отчет своим действиям и руководить ими. Исследователи личности таких преступников отмечают, что диапазон расстройств психики несколько шире пограничных ситуаций, так как они охватывают еще алкоголизм и наркоманию. Научная позиция данных ученых созвучна с результатами исследований ученых К. Леонгардом и А. Личко, которые пришли к выводам, что личности убийцы с аномалиями психики присущи акцентуации характера, выраженные в виде отклонений поведения, способных к выявлению в ходе реализации комплекса превентивных, психокоррекционных и педагогических мер [4]. В связи с тем, что результаты исследований ученых свидетельствуют о необходимости своевременного выявления акцентуаций, целесообразно в несовершеннолетнем возрасте проводить криминологический анамнез. Исследование должно включать сбор данных о возможных причинах заболевания, имеющих противоправный характер, процессах, определивших трансформацию поведения в крайние формы насилия. Следует отметить, что акцентуации представляют собой совокупность устойчивых и значимых свойств личности, относящихся к семейной, трудовой, учебной и досуговой сферам, которые создают барьеры к социализации личности, ее адаптации к мимикрирующим формациям жизнедеятельности. Установлено, что убийц с аномалиями психики акцентуации характера в пропорциональном отношении доминировали по отношению к другим видам психической пораженности.

Проблематика определения и реализации мер превентивной направленности в отношении лиц с расстройствами психики включает не только минимизацию действия детерминирующих факторов, но и систему мер, направленных на создание благоприятных условий жизнедеятельности, развитие досуговой, культурной и спортивной сфер, важных особенно на ранних этапах социализации личности. Следует отметить, что организация успешной превентивной деятельности по выявлению и корректировке расстройств психики должна включать изучение генезиса и механизма антиобщественного поведения таких лиц, основываться на методологически апробированных и репрезентативных достижениях науки, направленных на оценку криминогенной роли психических расстройств. Меры превентивного характера в отношении лиц, имеющих психические расстройства, характеризуются комплексным характером, предусматривающим неоднородность определенных структурно-содержательных сегментов, в том числе медицинского назначения.

Реализация комплекса профилактических мер в рамках социально-психиатрической превенции должна предусматривать диапазон взаимосвязанных этапов:

– установление и фиксация данных лиц с расстройством психики, в поведении которых усматриваются элементы агрессивного поведения;

– деятельность по исследованию специфических черт таких лиц, их образа жизни, времяпрепровождения;

– организация личностного прогнозирования поведенческой вариативности, определение и реализация конкретных профилактических мер.

Следует отметить, что с практической точки зрения представляет определенную сложность первая стадия, целью которой является выявить и поставить на учет лиц, имеющих психические аномалии, склонных к агрессивному антиобщественному поведению. Рассматриваемый этап является важным в организационном плане, так как его цель состоит в выявлении характера психических аномалий и установлении контингента правонарушителей. Безусловно, разновидность психической аномалии предопределяет содержание превентивной деятельности с конкретным индивидом, заполнение карты личностных свойств с характерными психическими дефектами на основе положений методических указаний по индивидуальной профилактике противоправного поведения лиц с психическими аномалиями.

Повышению эффективности превентивной деятельности на этапе выявления лиц, имеющих психические патологии, способствовало бы открытие и функционирование невропатолого-психиатрических консультаций, ориентированных на осуществление ранней профилактической функции.

Содержание второй стадии включает исследование личностных особенностей индивидов с расстройствами психики, совершающие насильственные противоправные действия, и отличающиеся предрасположенностью

к совершению посягательств против личности. Основными задачами такой деятельности являются идентификация патологии психики, установление обстоятельств жизни, особенностей поведения и его мотивации.

Специалисты отмечают, что специфической чертой личности убийцы с патологией психики является особенности мотивации насильственных поведенческих актов. Анализ психиатрических освидетельствований показывает, что проведение экспертизы по уголовным делам в отношении исследуемой категории лиц вызывает трудности, связанные именно с установлением взаимосвязи сегментов мотивационной сферы. В ходе расследования убийств, как правило, привлекаются специалисты в области психиатрии.

Основной задачей третьей стадии является организация прогнозирования поведенческой вариативности лиц с аномалией психики, предусматривающее знание индивидуальных особенностей и мотивов поведения. Результаты прогноза могут быть применены в качестве основы для организации индивидуально-профилактической работы с лицами, имеющими аномалии психики, склонными к насильственным посягательствам против личности. Участие в планировании и осуществлении профилактических мер психологов и психиатров может обеспечить целенаправленность и конкретность профилактики, сочетание мер лечебного и криминологического характера.

Четвертый этап организации превентивной деятельности ставит своей целью определение направлений по взаимодействию органов правопорядка и медицинских учреждений в профилактике насильственного поведения лиц с аномалиями психики. Анализ организации социально-психиатрической превенции насильственных посягательств, совершенных лицами**,** имеющими расстройства психики, показал, что проблемными вопросами остаются следующие:

– превентивная деятельность в отношении несовершеннолетних лиц, имеющих психические расстройства и совершающих насильственные посягательства;

– профилактика алкоголизма и наркомании;

– превентивная деятельность в отношении лиц, склонных к совершению насильственных посягательств против личности и имеющие расстройства психики.

Квинтэссенцией превентивной системы мер насильственного поведения лиц с аномалиями психики будет выступать своевременное выявление и реализация мер воздействия на явления и процессы, влекущие психические патологии.

Повышению эффективности превентивной деятельности на этапе выявления лиц, имеющих психические патологии, способствовало бы открытие и функционирование невропатолого-психиатрических консультаций, ориентированных на осуществление ранней профилактической функции.

Обсуждение и заключение. Участившиеся случаи криминального насилия лиц с психическими аномалиями оказывают деморализующее воздействие на общество, вызывают сомнение в способности органов правопорядка защитить своих близких, медицинских учреждений изолировать таких лиц в специальные стационары.

Закономерно, что рассматриваемая проблематика обусловливает повышенную актуализацию исследований, связанных с вопросами криминологической детерминации и юридической оценкой патологий психики. Высокий уровень стрессового воздействия влияет на состояние тревожно-депрессивных расстройств, а частота сегментов радикализации общества способствует развитию психических проблем, в первую очередь у представителей маргинальных слоев (беженцев, мигрантов, лиц, освободившихся из мест лишения свободы). Отмечающееся в последние годы обострение ситуации с общественно опасным поведением лиц с отклонениями психики, проявляющееся с высокой частотой и утяжелением совершаемых ими правонарушений, свидетельствует о тесной взаимосвязи между неблагополучием в обществе и криминальным поведением больных. Учитывая значительный удельный вес аномалий психики у лиц, совершивших убийства (до 68 %), ученые предлагают определить особую форму предупредительной деятельности – социально-психологическую профилактику, содержание которой будет характеризоваться комплексным воздействием на объект по выявлению таких лиц и недопущению с их стороны тяжких посягательств против личности. Таким образом, криминологический анамнез, включающий сбор данных о возможных причинах заболевания, имеющих противоправный характер, процессах, определивших трансформацию такого поведения в крайние формы насилия, должен стать этапом социально-психологической профилактики. Особое внимание следует акцентировать на необходимости организации тесного взаимодействия медицинских учреждений и органов правопорядка, предусматривающее правовое регулирование обмена соответствующей информацией.

Организация правоохранительной деятельности по противодействию криминального поведения лиц с аномалиями психики, с одной стороны, предусматривает типичный сценарий по нейтрализации криминогенных детерминантов и установлению лиц, склонных к совершению преступной агрессии, с другой стороны, специфика таких преступлений требует проведения криминологического мониторинга с привлечением специалистов медицины и криминальной психиатрии. В процессе расследования уголовного дела при диагностике психических расстройств личности убийцы полагаем возможным определение комплекса мер криминологической терапии в свете реализации положений вступившего в силу с 1 января 2024 года Федерального закона «О пробации в Российской Федерации».

Список литературы / References

1. Лукашева Е.А. (отв. ред.) *Права человека и процессы глобализации современного мира.* Москва: Норма; 2007. 428 с.

Lukasheva EA. (ed.). *Human Rights and the Processes of Globalization of the Modern World*. Moscow: Norma Publ.; 2007. 428 p. (In Russ.).

2. Поздеева Е. *Жизнь взаймы – россияне берут рекордные кредиты.* URL: https://www.finam.ru/analysis/newsitem/zhizn-vzaiymy-rossiyane-berut-rekordnye-kredity-20210506-202249 (дата обращения: 22.04.2024).

Pozdeeva E. *Life on Loan – Russians Take on the Record-Breaking Loans*. URL: https://www.finam.ru/analysis/newsitem/zhizn-vzaiymy-rossiyane-berut-rekordnye-kredity-20210506-202249 (accessed: 22.04.2024). (In Russ.).

3. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. *Российская уголовная политика: преодоление кризиса.* Москва: Норма; 2006. 274 с.

Alekseev AI, Ovchinsky VS, Pobegailo EF. *Russian Criminal Law Policy: Overcoming the Crisis*. Moscow: Norma Publ.; 2006. 274 p. (In Russ.).

4. Клонингер С. *Теории личности: познание человека.* Санкт-Петербург: Питер; 2003. 628 с.

Cloninger S. *Theories of Personality: Cognition of a Human*. St. Petersburg: Piter Publ.; 2003. 628 p. (In Russ.).

5. Клишас А.А. *Юридический код государства: вопросы теории и практики*. Москва: Международные отношения; 2019. 462 с.

Klishas AA. *The Legal Code of the State: Issues of Theory and Practice*. Moscow: International Relations Publ.; 2019. 462 p. (In Russ.).

6. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. *Причины преступности в России: Криминологический анализ.* Москва: Норма; 2006. 326 с.

Kudryavtsev VN, Eminov VE. *The Causes of Criminality in Russia: Criminological Analysis*. Moscow: Norma Publ.; 2006. 326 p. (In Russ.).

7. Антонян Ю.М. *Человек и преступная агрессия*. *Монография.* Москва: Проспект; 2022. 224 с.

Antonyan YuM. *A Man and Criminal Aggression*. *Monograph.* Moscow: Prospekt Publ.; 2022. 224 p. (In Russ.).

8. Антонян Ю.М., Бовин Б.Г. *Личность убийцы*. *Монография.* Москва: Юрлитинформ; 2017. 232 с.

Antonyan YuM, Bovin BG. *The Personality of a Killer. Monograph.* Moscow: Yurlitinform Publ.; 2017. 232 p. (In Russ.).

9. Лунеев В.В. *Эпоха глобализации и преступность.* Москва: Норма; 2007. 262 с.

Luneev VV. *The Era of Globalization and Crime*. Moscow: Norma Publ.; 2007. 262 p. (In Russ.).

10. Малько А.В. (ред.) *Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты. Монография.* Москва: Юрлитинформ; 2016. 384 с.

Malko AV (ed.) *The Legal Life of Modern Russian Society: Levels, Sections, Segments*. *Monograph.* Moscow: Yurlitinform Publ.; 2016. 384 p. (In Russ.).

11. Шарапов Р.Д. *Преступное насилие. Монография.* Москва: Юрлитинформ; 2009. 406 с.

Sharapov RD. *Criminal Violence*. *Monograph.* Moscow: Yurlitinform Publ.; 2009. 406 p. (In Russ.).

12. Антонян Ю.М. *Мотивация преступного поведения*. *Монография.* Москва: Юрлитинформ; 2018. 376 с.

Antonyan YuM. *Motivation of Criminal Behaviour. Monograph.* Moscow: Yurlitinform Publ.; 2018. 376 p. (In Russ.).

13. Сердюк Л.В. *Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. Монография.* Москва: Юрлитинформ; 2002. 372 с.

Serdyuk LV. *Violence: Criminological and Criminal Law Research*. *Monograph.* Moscow: Yurlitinform Publ.; 2002. 372 p. (In Russ.).

Об авторах:

Николай Вячеславович Сараев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код: 6507-0980, ORCID, snv_571978@mail.ru

Александр Иванович Мелихов, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры «Конституционное и административное право» Волгоградской академии МВД России (400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130), SPIN-код: 9141-1117, ORCID, m-13913@yandex.ru

About the Authors:

Nikolay V. Saraev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code: 6507-0980, ORCID, snv_571978@mail.ru

Aleksandr I. Melikhov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of the Constitutional and Administrative Law Department, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (130, Istoricheskaya St., Volgograd, 400075, Russian Federation), SPIN-code: 9141-1117, ORCID, m-13913@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:
Н.В. Сараев: формирование основной концепции, методологии исследования, подготовка текста, формулирование выводов.
А.И. Мелихов: анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Claimed Contributorship:
NV Saraev: formulating the main concept, research methodology, preparing the text, formulating the conclusions.
AI Melikhov: analysis of the research results, refining the text, correcting the conclusions.

***Конфликт интересов*: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**

***Conflict of interest statement:* the authors do not have any conflict of interest.**

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 04.05.2024
Поступила после рецензирования / Revised 08.06.2024
Принята к публикации / Accepted 18.06.2024

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

УДК 341

Оригинальное теоретическое исследование

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-56-62

EDN: CPJSQB

Принципы применения временных мер в международном праве

А.А. Кузубов , А.Н. Максименко ✉

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
✉ manzel@yandex.ru

Аннотация

Введение. В российской научно-правовой доктрине исследование вопроса применения временных мер международными судебными или квазисудебными органами и учреждениями на сегодня не приобрело комплексного характера. Вместо этого международная правовая доктрина раскрывает широкий спектр спорных вопросов в указанной плоскости, что определяется отсутствием в уставных документах и регламентах международных судебных, квазисудебных учреждений и трибуналов четких положений, а, следовательно, существующие пробелы дорабатываются судебной практикой. Цель статьи заключается в исследовании общих руководящих принципов применения временных мер, которые были разработаны и приняты Институтом международного права на основе анализа применения таковых в международном и национальном измерениях.

Материалы и методы. В исследовании был применен диалектический метод познания как основной, общенаучные методы анализа, синтеза, специальные юридические методы – эмпирические и формально-юридический.

Результаты исследования. В статье проведен анализ и систематизация руководящих принципов применения временных мер по результатам исследований ведущих ученых и специалистов по международному праву, а также судей международных учреждений и судебных органов. По результатам исследования группировки временных мер выявлено, что они являются значительным вкладом в международную правовую доктрину, поскольку закрепляют четкую позицию относительно ряда спорных аспектов их применения, но также показывают определенную особенность их использования на практике.

Обсуждение и заключение. Отмечено, что ранее принципами был закреплен перечень условий применения временных мер, а также однозначная позиция относительно обязательной юридической силы таковых. В то время как, с одной стороны, руководящие принципы дают ответы на существующие в международно-правовой доктрине спорные вопросы, с другой – порождают ряд новых теоретико-практических вопросов, на которые обращается внимание в статье. По результатам исследования установлено, что цель и условия применения временных мер содержатся в нескольких отдельных руководящих принципах, что делает логику последовательного размещения таких принципов неясной. В статье сделан вывод, что спорные вопросы являются результатом того, что руководящие принципы распространяются не только на практику применения временных мер международными органами и учреждениями судебного характера, но также и национальными судами. Разъяснения к каждому принципу способствовали бы правильному и согласованному применению таких принципов на практике. Кроме того, дальнейшие исследования возможностей применения временных мер на основе руководящих принципов, предложенных Институтом международного права, усматриваются важными как для международной правовой доктрины, так и для российской.

Ключевые слова: временные меры в международном праве, принципы временных мер, международное правосудие

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Кузубов А.А., Максименко А.Н. Принципы применения временных мер в международном праве. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2024;2(2):56–62. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-56-62

Original Theoretical Research

Principles of Application of the Provisional Measures in the International Law

Alexey A. Kuzubov , Aleksandr N. Maksimenko ✉
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
✉ manzel@yandex.ru

Abstract

Introduction. Within the Russian scientific and legal doctrine studying the issue of application of the provisional measures by the international judicial or quasi-judicial bodies and institutions has not become comprehensive yet. On the contrary, the international legal doctrine reveals a wide range of disputable issues in this field, which arise due to the absence of the clear provisions in the statutory documents and regulations of the international judicial, quasi-judicial institutions and tribunals, as consequence, the existing gaps are filled in with the judicial practice. The aim of the article is to study the general guiding principles for application of the provisional measures, which were developed and adopted by the Institute of International Law upon the analysis of application thereof in the international and national dimensions.

***Materials and Methods*.** The study was carried out using the dialectical method of cognition as the main scientific method, the general scientific methods of analysis, synthesis, as well as the specific juridical methods – empirical and legalistic ones.

Results. In the article the guiding principles for application of the provisional measures have been analysed and systematised, based on the results of the research held by the leading scientists and international law experts, as well as judges of the international institutions and judicial bodies. Upon the results of the study on grouping the provisional measures, it has been revealed that their contribution to the international legal doctrine is significant, since they stipulate a clear attitude to a number of disputable aspects of their application, and at the same time define the certain features of their practical application.

Discussion and Conclusion. It has been noted that these principles have already stipulated a list of conditions for application of the provisional measures, as well as an unambiguous attitude to the legally-binding effect thereof. Nevertheless, on the one hand, the guiding principles answer the disputable issues existing in the international legal doctrine, on the other hand, they arise a number of new theoretical and practical issues, which will be a target of this article. In the frame of the present study, it has been found that the purpose and conditions for application of the provisional measures are contained in the several separate guiding principles, however the logic of consistent order of these principles is unclear. In the article the conclusion was made that the disputable issues result from the fact that the guiding principles cover the practices of provisional measures application not only by the international bodies and judicial institutions, but also by the national courts. Availability of the clarifications to each of the principles would facilitate the correct and coherent application of these principles in practice. Moreover, further research into the possibilities of application of the provisional measures in the frame of the general guiding principles proposed by the Institute of International Law is considered important both for the international and Russian legal doctrine.

Keywords: provisional measures in the international law, principles of the provisional measures, international justice

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer for the critical assessment of the materials and suggestions on their improvement that had significantly fostered the quality of the article.

For citation. Kuzubov AA, Maksimenko AN. Principles of Application of the Provisional Measures in the International Law. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(2):56–62. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-56-62

Введение. Для России и российской повестки дня вопрос временных мер, в том числе производные касательные вопросы, в частности, относительно юридической силы и эффективности таковых, являются особенно актуальными с 2014 года. Международный суд ООН и Европейский суд по правам человека неоднократно применяли временные меры по межгосударственным заявлениям России против Украины. Важно подчеркнуть, что такие меры применялись не просто по заявлению России, но также и относительно самой России, несмотря на то что государство является заявителем.

Для понимания правовой природы таких мер, а именно: с какой целью они применяются и при каких условиях, имеет смысл рассмотреть подготовленную Институтом международного права систематизацию руководящих принципов применения временных мер, что по определению самого научного общества «будет способствовать развитию международного и национального права» [1, с. 5]. 11 руководящих принципов, сформулированных учеными, должны поспособствовать также решению дискуссионных вопросов относительно применения временных мер. Учитывая, что разработанные принципы также распространяются на национальную судебную практику, в этой работе рассмотрим только те из них, которые являются общими.

Цель статьи заключается в исследовании общих руководящих принципов применения временных мер, которые были разработаны и приняты Институтом международного права на основе анализа применения таковых в международном и национальном измерениях.

Материалы и методы. Методологическую ценность в исследовании принципов временных мер имеют достижения таких ученых, как Х. Тирлуэй (Hugh Thirlway), К. Майлс (Cameron A. Miles), А. Триндади (Antônio Augusto Cançado Trindade), С.М. Пунжин [2–5] и др., которые исследовали международную судебную практику и мнения судей для обоснования возможности решение самых дискуссионных вопросов. В этом исследовании мы будем ссылаться на работы вышеупомянутых специалистов по международному праву и международному праву защиты прав человека.

В исследовании был применен диалектический метод познания как основной, общенаучные методы анализа, синтеза, специальные юридические методы – эмпирические и формально-юридический.

Результаты исследования. В 2023 году Институт международного права (Institut de Droit International) отметил 150-летие со своего основания. Научное общество, которое было сформировано в Генте (Бельгия) в сентябре 1873 года одиннадцатью выдающимися представителями юридического сообщества из девяти стран под руководством Густава Ролин Жакминс (Gustave Rolin-Jacquemyns), на сегодня являются одной из ведущих организаций, занимающихся вопросами прогрессивного развития международного права. Важно отметить, что в соответствии с Уставом Института международного права, Институт – это исключительно научное общество. Настоящее исследование посвящено рассмотрению Резолюции Института международного права, закрепившей руководящие принципы применения временных мер.

Работа над указанной Резолюцией и формулировкой руководящих принципов началась в 2009 году третьей Комиссией во время неаполитанской сессии института и продолжалась 8 лет. Однако, как было указано во время обсуждения доклада и самой Резолюции докладчиком по вопросу, британским профессором Лордом Коллинзом (Lawrence Antony Collins of Mapesbury, Lord Collins of Mapesbury), большая часть работы выполнена в течение 2015–2017 годов. Резолюция была рассмотрена, обсуждена и принята 8 сентября 2017 года на сессии института в Хайдарабаде (Индия). Обратим внимание, что не все предложения и принципы были восприняты положительно учеными, некоторые стали предметом широкой дискуссии.

Перед тем, как перейти к анализу документа, отметим, что временные меры (interim measures, provisional measures, precautionary measures, protective measures) являются инструментом мгновенного реагирования. Это позволяет указать на действия, которые должно предпринять государство или сторона дела с целью сохранения прав, пока не будет принято органом или учреждением судебного или квазисудебного характера окончательное решение по делу.

При разработке руководящих принципов применения, ученые обращались и изучали материалы по различным дисциплинам: международное публичное и частное право, инвестиционный арбитраж, коммерческое право, национальное право государств мира. Именно такой достаточно широкий анализ позволил выделить 11 руководящих принципов, которые мы можем условно поделить на общие и специальные (те, которые касаются исключительно национальных судебных учреждений или только коммерческого арбитража). В этой статье анализируется применения временных мер, то есть те, которые характерны для всех органов и учреждений судебного характера.

Так, первый руководящий принцип после обсуждения на сессии Института международного права не претерпел значительных изменений и почти был сохранен в редакции, которая была предложена докладчиком и Комиссией. «Общим принципом права являются то, что международные и национальные суды и трибуналы могут применять временные меры для сохранения status quo до разрешения спора или для сохранения возможности обеспечения окончательно эффективной судебной защиты» [6, с. 162]. Фактически речь идет о том, что временные меры – это не просто меры, а меры, которые рассматриваются как общий принцип права. Во время обсуждения вопроса на заседаниях Комиссии и на заседании сессии декларирование не было единодушно поддержано всеми членами. Например, американский профессор права Бернард Оксман (Bernard H. Oxman) указывал, что провозглашение такого принципа не будет положительно воспринято во многих государствах, если только «общий принцип права не является принципом права именно этой страны» [6, с. 168]. Вышеупомянутое мнение американского профессора права Б. Оксмана является, на наш взгляд, более приемлемым. Кроме того, в международной правовой доктрине на сегодня признание применения временных мер общим принципом права не является общепринятым.

Во-вторых, на что стоит обратить внимание в контексте первого руководящего принципа-указания, так это на цель применения временных мер. При обсуждении вопроса на сессии индийский ученый Шриниваса Рао (Sreenivasa Rao) предложил дополнить текст Резолюции отдельным параграфом, который бы содержал четкий перечень различных целей применения временных мер. Докладчик Лорд Колин не согласился с высказанным предложением [7]. В результате, цель временных мер упоминается не только в первом руководящем принципе, но также и в четвертом.

Во время обсуждения встал вопрос относительно формулирования сохранения status quo. Так, например, алжирский ученый Ахмед Махью (Ahmed Mahiou) считает недостаточным «ограничение полномочий, предоставленных судам, которое заключается только в сохранении status quo, в то время как временные меры иногда имеют более широкую цель» [8, с. 260]. Высказанное мнение было принято, но коллеги ученого отметили, что формулировка в его нынешнем виде не сужает цели временных мер, более того, утверждение охватывает применение временных мер в практике широкого большинства правовых систем. Стоит отметить, что в международной правовой доктрине обычно кроме основной цели временных мер – сохранение прав, указывается на сохранение status quo в сочетании с возможностью возврата в status quo ante. Профессор международного права Хью Тирлуэй (Hugh Thirlway) ссылается на идею сохранения status quo как на самый тяжелый элемент концепции временных мер именно в контексте сохранения прав, которым грозит непоправимый вред [2]. Таким образом, сочетание цели сохранения прав при сохранении status quo наводит нас на мысль, о том, что последняя цель является производной от первой. Приведем пример дела Международного суда ООН Hostages (United States of America V. Iran). США не требовали от Суда сохранения status quo, «что было создано правительством Ирана в последние дни и недели», а скорее считали необходимым возвращение к status quo ante [9]. Учитывая, что в доктрине, есть распространённый достаточно широкий взгляд на цель временных мер, о чем также указывал ученый Ахмед Махью, то остается открытым вопрос, почему исследователь и комиссия в целом все же не рассмотрели шире формулировку цели временных мер.

Кроме того, первый руководящий принцип указывает на процессуальную цель применения временных мер: сохранение возможности обеспечения окончательно эффективной судебной защиты. Бразильский профессор международных отношений, судья Международного суда ООН (2009–2022) Антониу Аугусто Кансаду Триндади (Antônio Augusto Cançado Trindade) в статье «эволюция временных мер в практике Межамериканского суда по правам человека (1987–2002)» обращался к рассматриваемой проблеме. Он считал, что «цель временных мер в международном судебном процессе (в рамках международного публичного права) широко известна: сохранить права, на которые ссылаются стороны, и, таким образом, целостность решения по сути дела, не допустив, чтобы последнее было лишено смысла и эффективности, и чтобы результат всего процесса был сведен на нет» [3, с. 163]. Итак, следующая формулировка цели позволяет нам получить понимание того, какую роль играют временные меры в судебном процессе.

После обсуждения на сессии в конечную редакцию Резолюции было добавлено примечание к первому руководящему принципу. «Временные меры могут иметь самостоятельные цели, которые прямо предусмотрены в соответствующих документах, например, предотвращение серьезного ущерба морской среде в соответствии с пунктом 1 статьи 290 Конвенции ООН по морскому праву или предотвращение вреда рыбным запасам в соответствии с пунктом 2 статьи 31 соглашения об исполнении положений Конвенции ООН по морскому праву, связанных с сохранением трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб, принятой 4 августа 1995 года» [10]. Появление этого примечания может быть обосновано тем, что действительно сложно определить универсальный перечень цели применения временных мер, как и подчеркнул докладчик, поэтому упоминание о самостоятельных целях видится вполне уместным с практической точки зрения. Однако в то же время, исходя из того, что докладчик обосновывал свою позицию по тому или иному вопросу тем, что руководящие принципы касаются широкого применения временных мер (не только на уровне международных судебных учреждений, но и национальными судебными органами), приведение примеров в тексте того, что может подпадать под понимание «самостоятельной цели» исключительно из международной правовой плоскости, вызывает встречный вопрос, который может подпадать под такую цель в национальном праве.

Как указано выше, цель временных мер также упоминается в четвертом руководящем принципе, однако создается такая только в практике применения временных мероприятий международными судами и трибуналами. Так, соответственно к четвертому руководящему принципу Института международного права: «международные суды и трибуналы могут принимать приказы, направленные на предотвращение обострения спора». Согласно формулировке, эта цель распространяется исключительно на международные органы и учреждения судебного характера, и можем предположить, что именно в связи с этим она исключена из первого руководящего принципа. Однако во время обсуждения этого принципа алжирский ученый Ахмед Махью задал вопрос о распространении цели, закрепленной в четвертом руководящем принципе, и о применении временных мер национальными судами.

Позиция докладчика была обоснована тем, что национальные суды могут применять следующие меры для достижения рассматриваемой цели, однако все же та или иная цель применения временных мер должно быть предусмотрено законодательством соответствующего государства. В таком случае возникает диссонанс с тем, что цель применения временных мер, закрепленная в первом руководящем принципе, распространяется также на национальные суды государств, на то, что закреплено в законодательстве этих государств.

Более того, выделение цели, указанной в четком руководящем принципе, в отдельный принцип является дискуссионным, поскольку, например, указанная цель в практике международных органов и учреждений не может

считаться самостоятельной. В качестве аргумента обратим внимание на п. 62 приказа Международного суда ООН о применении временных мер по делу Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v.Uruguay), который вызвал оживленную дискуссию среди специалистов. Так, в соответствии с п. 62 указанного Приказа, «полномочия суда применять временные меры для сохранения соответствующих прав сторон имеют реализовываться только в случае необходимости предотвратить непоправимый вред правам, которые являются предметом спора, к тому как Суд имел возможность вынести свое [окончательное] решение» [11, с. 89]. Так, ссылаясь на указанное, юрист из международного права Кэмерон А. Майлс приходит к выводу, что «Международный суд ООН рассматривает цель временных мер, направленную на не ухудшение ситуации как дополнительную к защите прав, которые являются предметом рассмотрения дела» [4, с. 76]. Принимая во внимание глубину исследования учеными цели временных мер, возникает вопрос, почему эта цель не нашла отражения в руководящих принципах. Вместо этого принято считать дополнительной целью применения следующих мер (например, сохранение status quo, недопущение обострения ситуации или спора, применение временных мер для создания возможности гарантировать окончательную эффективную защиту в деле), которые является закрепленным в первом и четвертом руководящем принципе.

Кроме того, в работе С.М. Плужина внимание уделяется условиям застоя временных мер, что нашло отражение во втором руководящем принципе: «временные меры застаиваются, если «заявитель может доказать, что

(a) существует достаточное основание для применения таких мер по существу дела;

(b) существует реальный риск причинения непоправимого причинения вреда правам, являющимся предметом рассмотрения дела, до вынесения окончательного судебного решения;

(c) риск причинения вреда заявителю перевешивает риск причинения вреда ответчику;

(d) меры пропорциональны рискам» [5, с. 42].

Прежде всего отметим, что формулировка «заявитель может доказать» вызывает дополнительные вопросы, потому что, например, международные судебные учреждения не всегда устанавливают временные меры по запросу сторон.

Возвращаясь к перечню условий применения временных мер, отметим, что закрепление условий является действительно вспомогательным шагом для специалистов, поскольку «ни в уставных документах, ни в регламентах международных судебных, квазисудебных учреждений и трибуналов не содержится четкого перечня таких условий» [5, с. 53]. Вопрос условий рассматривался и анализировался в трудах таких ученых, как Камерон А. Майлс (Cameron A. Miles), А. Триндади (Антонио Аугусто Канчадо Триндад), К. Эррера (Clara Burbano Herrera), Ив Хек (Yves Haeck) и др. В работе ученых отмечается, что «основными условиями применения временных мер можно считать следующие: проявление юрисдикции международного судебного органа или учреждения рассматривать дело, в рамках которого возник вопрос о запрете временных мер, риск причинения непоправимого вреда, а также немедленная потребность в таких мерах», кроме того в последнее время Международный Суд ООН также все чаще ссылается на такое понятие как «тест на правосторонность» (plausibility test).

В третьем руководящем принципе отмечается, что «в случаях особой срочности приказ о применении временных мер может быть принят без заслушивания ответчика (ex parte), но ответчик имеет право быть немедленно уведомлен об этом и подать возражение против приказа [5]. Для иллюстрации этого положения можем обратиться к практике международного суда ООН. Так, например, в п. 11 Приказа о временных мерах 1972 года в Icelandic Fisheries cases Международный Суд ООН отмечал, что «согласно практике суда и Постоянной палаты международного правосудия, неявка одной из сторон сама по себе не может быть препятствием для применения временных мер по условию, что сторонам была предоставлена возможность представить свои замечания по этому поводу» [11, с. 101]. Отметим, что этот принцип относится к процедуре применения временных мер, и логичным усматривается вопрос о причине закрепления такового в качестве отдельного руководящего принципа.

Так, распространенной практикой и характерной чертой временных мер является то, что они могут применяться на любом этапе рассмотрения дела до принятия окончательного решения по делу, почему-то это положение не приобрело статуса руководящего принципа.

Шестой руководящий принцип закрепляет важный вопрос, который вызывает оживленную дискуссию среди специалистов, занимающихся вопросами временных мер. Согласно шестому руководящему принципу, «приказ о применении временных мер, принятый международным или национальным судом или трибуналом, является обязательным. Он может быть изменен или отменен судом или трибуналом, который его выдал» [12, с. 18].

Закрепление такого руководящего принципа Институтом международного права является достаточно мощным сигналом. Однако стоит подчеркнуть, что «воля государств является основой любого правозащитного инструмента, в том числе и временных мер» [13, с. 32], что также прямо влияет на определение юридической силы таких мер.

Последний принцип, на котором мы остановимся, является важным, поскольку распространяется и дополняет все руководящие принципы, определенные резолюцией Института международного права. Одиннадцатый руководящий принцип можно считать своеобразным заключительным положением, указывающим на особенность

применения временных мер на практике. Следовательно, все руководящие принципы необходимо применять «с учетом конкретных положений, содержащихся в учредительных документах международных судов и трибуналов или в национальном законодательстве, в зависимости от обстоятельств». Такое дополнение усматривается важным, поскольку «подвязывает» руководящие принципы к той или иной правовой системе и позволяет использовать опыт того или иного судебного учреждения под каждый руководящий принцип.

Обсуждение и заключение. Проанализированные руководящие принципы Института международного права по применению временных мер закрепляют интересную новеллу, а именно: признание применения такого инструмента общим принципом права, а также впервые систематизируют и закрепляют четкий перечень условий применения временных мер. В то же время усматривается мощным сигналом закрепления обязательной юридической силы таких мер. Однако предлагаемые руководящие принципы порождают ряд вопросов. Прежде всего, остается неясной структура таких мер. Руководящие принципы для целей и условий применения этих временных мер разбиты на несколько отдельных принципов, однако размещены они не последовательно друг за другом. Такой подход к упорядочиванию руководящих принципов остается не совсем понятным. Более того, учитывая, что руководящие принципы построены на практике применения временных мер не только международными органами и учреждениями судебного характера, но также и национальными судебными учреждениями, то не хватает разъяснения по каждому принципу. Например, публикация Институтом международного права доклада по таким принципам или наличие разъяснительной записки способствовали бы правильному и согласованному пониманию и применению таких принципов на практике, а также существенно помогли бы использовать руководящие принципы для решения поставленной задачи – содействовать развитию международного и национального права.

Список литературы / References

1. Балясников И.В. Теории признания в международном праве. Формы и виды признания. *Вестник Института деловой карьеры*. 2022;(1(37)):4–7.

Balyasnikov IV. Theories of Recognition in International Law. Forms and Types of Recognition. *Vestnik Instituta delovoj kar'ery*. 2022;(1(37)):4–7. (In Russ.).

2. Thirlway HWA. The Indication of Provisional Measures by the International Court of Justice. In book: *Interim Measures Indicated by International Courts.* Bernhardt R (ed.). Berlin, New York: Springer-Verlag; 1994. 154 p.

3. Cançado Trindade AA. The Evolution of Provisional Measures of Protection under the Case-Law of the Inter-American Court of Human Rights (1987–2002). *Human Rights Law Journal*. 2003;(24(5–8)):162–168. URL: https://www.corteidh.or.cr/tablas/r23114.pdf (accessed: 19.02.2024).

4. Miles CA. *Provisional Measures before International Courts and Tribunals*. Cambridge University Press. 2017. https://doi.org/10.1017/9781316410813

5. Пунжин С.М. Процессуальное право Международного Суда ООН: временные меры (часть 2). *Международное правосудие*. 2016;(1(17)):37–58. https://doi.org/10.21128/2226-2059-2016-1-37-58

Punzhin S. Procedural Law of the International Court of Justice: Provisional Measures (Part 2). *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2016;(1(17)):37–58. https://doi.org/10.21128/2226-2059-2016-1-37-58 (In Russ.).

6. Ромашев Ю.С. Общие принципы права в системе международного права. *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2021;(3):148–174. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.3.148.174

Romashev YuS. General Principles of Law in the System of International Law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2021;(3):148–174. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.3.148.174 (In Russ.).

7. Лановая Г.М. Система международного права: состав и структура. *Вестник экономической безопасности.* 2021;(4):175–179. https://doi.org/10.24412/2414-3995-2021-4-175-179

Lanovaya GM. The System of International Law: Composition and Structure. *Vestnik of economic security.* 2021;(4):175–179. https://doi.org/10.24412/2414-3995-2021-4-175-179 (In Russ.).

8. Малышева Н.И., Пустынникова Т.И. Принцип справедливости в международном праве. *Российский ежегодник международного права*. 2020;2020:254–264.

Malysheva NI, Pustynnikova TI. The Principle of Justice in International Law. *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*. 2020;2020:254–264 (In Russ.).

9. Афхазава Д.Г. Международный суд ООН и угроза применения силы. *Международное право и международные организации*. 2020;(3):1–20. https://doi.org/10.7256/2454-0633.2020.3.32505

Afkhazava DG. The International Court of Justice and the Threat of the Use of Force. *International Law and International Organizations*. 2020;(3):1–20. https://doi.org/10.7256/2454-0633.2020.3.32505 (In Russ.).

10. Абиза Б. Международный трибунал ООН по морскому праву. *Международное публичное и частное право*. 2021;(2):27–29. https://doi.org/10.18572/1812-3910-2021-2-27-29

Abiza B. The United Nations International Tribunal for the Law of the Sea. *Public International and Private International Law*. 2021;(2):27–29. https://doi.org/10.18572/1812-3910-2021-2-27-29 (In Russ.).

11. Пименова С.Д. Обеспечительные меры в практике Международного Суда ООН. *Международное правосудие*. 2020;(2(34)):88–102. https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-2-88-102

Pimenova SD. Provisional Measures in the Jurisprudence of the International Court of Justice. *International Justice*. 2020;(2(34)):88–102. https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-2-88-102 (In Russ.).

12. Комова Н. Б. Трансформация институциональной системы регулирования правоотношений в условиях современного государственного управления. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2023;(1(4)):16–22. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-4-16-22

Komova NB. Transformation of the Institutional System of Legal Relationship Regulation in the Context of Modern State Governance. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(4):16–22. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-4-16-22 (In Russ.).

13. Черниченко С.В. Базовые принципы международного права: диапазон усовершенствования. *Евразийский юридический журнал*. 2020;(5(144)):30–35.

Chernichenko SV. Basic Principles of International Law: Scope of Improvement. *Eurasian Law Journal*. 2020;(5(144)):30–35. (In Russ.).

Об авторах:

Алексей Алексеевич Кузубов, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Институт сквозных технологий» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код: 3256-6820, ORCID, alexceyk@gmail.com

Александр Николаевич Максименко, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код: 6610-2592, ORCID, manzel@yandex.ru

About the Authors:

Alexey A. Kuzubov, Cand.Sci. (Economics), Associate Professor of the Institute of End-to-End Technologies, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code: 3256-6820, ORCID, alexceyk@gmail.com

Aleksandr N. Maksimenko, Cand.Sci. (Economics), Associate Professor of the Commercial and Entrepreneurial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code: 6610-2592, ORCID, manzel@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

А.А. Кузубов: формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

А.Н. Максименко: анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Claimed Contributorship:

AA Kuzubov: formulating the main concept, aim and objectives of the research, preparing the text, formulating the conclusions.

AN Maksimenko: analysis of the research results, refining the text, correcting the conclusions.

***Конфликт интересов*: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**

***Conflict of Interest Statement:* the authors do not have any conflict of interest.**

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Поступила в редакцию / Received 10.05.2024
Поступила после рецензирования / Revised 05.06.2024
Принята к публикации / Accepted 10.06.2024